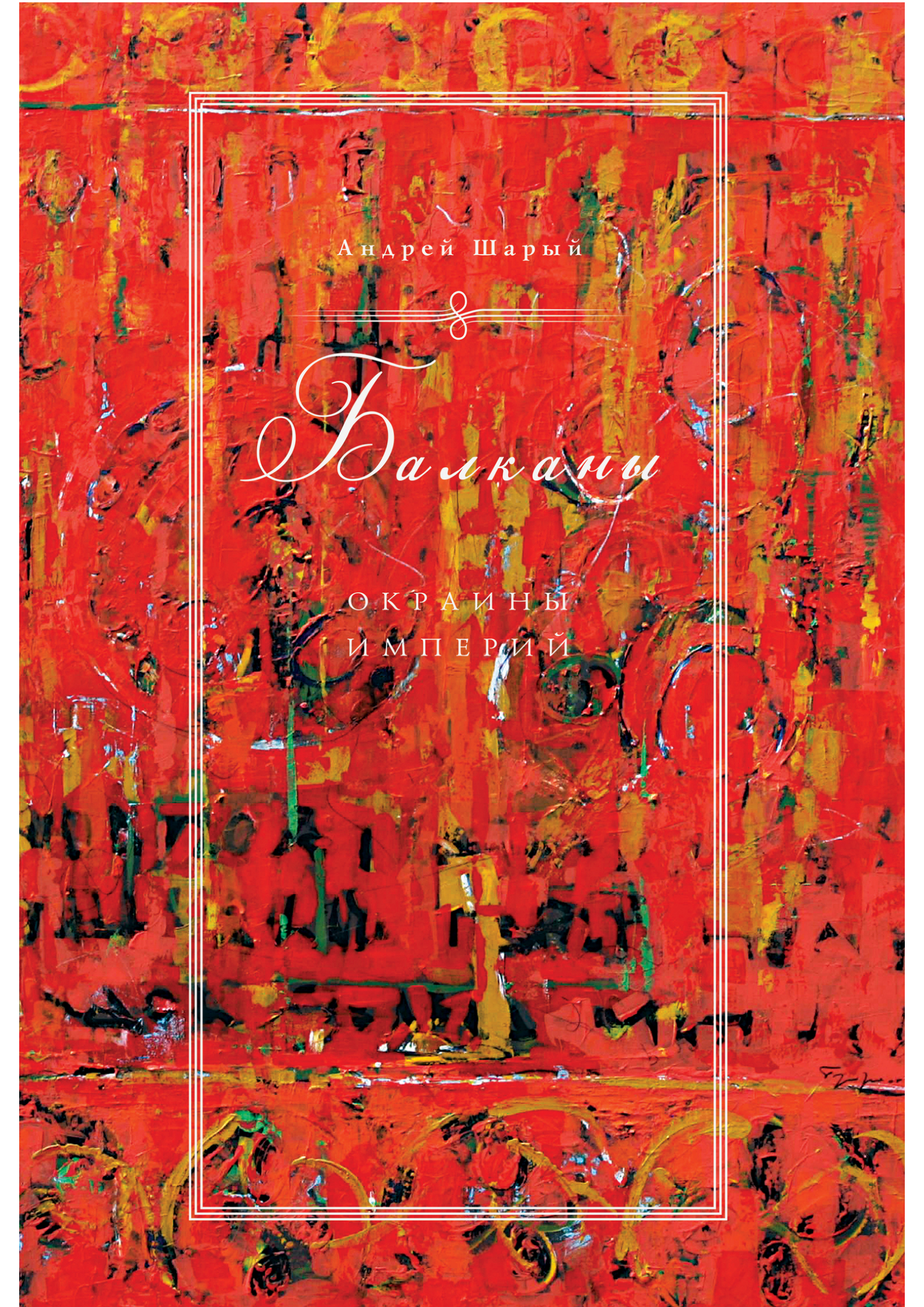

Андрей Шарый

Балканы

ОКРАИНЫ
ИМПЕРИЙ

Андрей Шарый

Балканы: окраины империй

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 94(4)
ББК 63.3(44)

Шарый А.

Балканы: окраины империй / А. Шарый — «Азбука-Аттикус»,
2015

ISBN 978-5-389-15973-0

Балканы всегда были и остаются непонятным для европейского ума мифологическим пространством. Здесь зарождалась античная цивилизация, в Средневековье возникали и гибли греко-славянские княжества и царства, Византия тысячу лет стояла на страже Европы, пока ее не поглотила османская лавина. Идея объединения южных славян веками боролась здесь, на окраинах великих империй, с концепциями самостоятельного государственного развития каждого народа. На Балканах сошлись главные цивилизационные швы и разломы Старого Света: западные и восточный христианские обряды противостояли исламскому и пытались сосуществовать с ним; славянский мир искал взаимопонимания с тюркским, романским, германским, албанским, венгерским. Россия в течение трех веков отстаивала на Балканах собственные интересы. В своей новой книге Андрей Шарый – известный писатель и журналист – пишет о старых и молодых балканских государствах, связанных друг с другом общей исторической судьбой, тесным сотрудничеством и многовековым опытом сосуществования, но и разделенных, разорванных вечными междоусобными противоречиями. Издание прекрасно проиллюстрировано – репродукции картин, рисунки, открытки и фотографии дают возможность увидеть Балканы, их жителей, быт, героев и антигероев глазами современников. Рубрики “Дети Балкан” и “Балканские истории” дополняют основной текст малоизвестной информацией, а эпиграфы к главам без преувеличения можно назвать краткой энциклопедией мировой литературы о Балканах.

УДК 94(4)
ББК 63.3(44)

ISBN 978-5-389-15973-0

© Шарый А., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Система понятий	7
1	32
2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Андрей Шарый

Балканы: окраины империй

© Шарый А., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018 КоЛибри®

* * *

Система понятий

Одно из балканских государств, не так ли? Больших рек нет. Больших гор тоже нет, но те, что есть, весьма живописны. Столица – Экарест. Население – в основном разбойники. Хобби – убийства королей и государственные перевороты.

Агата Кристи, “Тайна замка Чимниз” (1925)

Олимп вырастает из земель Фессалии и Македонии неожиданно огромным и четко очерченным каменным горбом. Олимп выглядит просто как большая гора – это умом понимаешь, что перед тобой самый главный, мифический саммит Балканского полуострова, да и всей Европы, священный и прославленный. Мы подобралась к нагорью с севера, через город Катерини, и обогнули полукругом, потому что собирались начинать восхождение с юга. Один из маршрутов к олимпийским вершинам начинается у базы греческих десантников и ведет ложем слаломной трассы мимо пика Святого Антония на пик Сколио. Сколио на шесть метров ниже самой высокой вершины нагорья, пика Митикас. 2912 метров: для мужчины средних лет весом почти в центнер, но энергичного и неодошливого, такое горное путешествие – серьезное испытание, хотя задача по плечу. На КПП военной базы поднимающихся в небеса встречает улыбчивый автоматчик в лихо заломленном зеленом берете, проверяет документы, записывает номер мобильного телефона – чтобы знать на всякий случай, кого придется спасать, инструктирует насчет возвращения не позже 18.00 и пропускает в расположение части.

Переводя на современный городской арго, паломничество на Олимп по этой трассе – 400 этажей вверх и 400 вниз, 12-километровая трасса с перепадом высот в 1250 метров. Путь вверх труден, но интересен, спуск легкий, но неприятен, поскольку приходится постоянно концентрироваться, чтобы не угодить ногой на острый камень или в коровью лепешку. Экспедиция выглядит примерно так. Сначала ты с азартом карабкаешься по склону и вовсю вертишь головой, потом тебе перестает хватать дыхания, потом ты начинаешь чувствовать мышцы ног, потом начинаешь чувствовать, как эти мышцы сводит, а потом тебе становится все равно и уже ничего не надо – но ты все карабкаешься, лезешь, упираешься, пыжишься, обливаешься соплями и потом и вот наконец восходишь на крышу древнегреческого мира.

Всего в этом горном массиве 52 вершины разной сложности доступа, а Митикас, как почему-то считают романтики, всегда скрыт за облаками. Это неправда – я же фотографировал макушку Олимпа, находясь от нее в непосредственной близости, и могу засвидетельствовать: голубизна неба высоко над Митикасом элегантно сочетается с голубизной Эгейского моря далеко за Митикасом. Отсюда открывается дивный вид на сияющие горные пики напротив, на зияющие провалы внизу, на морскую даль и белый город Катерини, за которым где-то в дымке за сотню километров – Салоники, на соседние горы Пинда и вообще на вселенную, сотворенную промыслом Божиим. Тут вспоминаешь когда-то прочитанное: якобы молодой султан Мехмед IV – тот самый, которому запорожские казаки отправили оскорбительное письмо, – в 1669 году провел на Олимпе более двух месяцев, не только из-за свежего воздуха и пристрастия к охоте, но и потому, что наслаждался фессалийскими и македонскими пейзажами.

Ты глазеешь на вершину Трон Зевса (она же, в православной терминологии, Святого Стефана), и проводник Павел, рожденный в Ташкенте сын греческого коммуниста-партизана, эвакуированного в СССР в 1949 году по милости Коминформа, показывает, что эта скала и вправду похожа на трон. В настоящий момент трон никем не занят. Здесь, наверху, всегда холодно и всегда дует сильный ветер. Другими словами, сусальные картинки придворных живописцев, на которых полураздетые, словно в бане, античные боги в расслабленных позах восседают на облаках, предаваясь праздности, не соответствуют правде жизни. В этой пустоте

продрогшим богам совершенно нечего делать. Здесь не летают орлы, потому что и орлы тут не обитают, а в зените – рядом с солнцем – барражирует тактический истребитель НАТО. Каковы же практические смыслы восхождения на Олимп? Сделать селфи, унести с вершины камешек, загадать по просьбе любимой желание. Можно засунуть мятый клочок бумаги с записью “Мы на Олимпе! Ура! Ура!” в прикованный к бетонному столбику с обозначением высоты почтового облика ящик, к которому никогда не придет почтальон. Можно сложить пирамидку из плоских камней, как это, непонятно зачем, уже сделали десятки побывавших здесь до тебя путешественников. Ты вспоминаешь, чем пугал путеводитель – “каждый год Олимп уносит несколько жизней”, – и в шутку осведомляешься, не на этот ли счет пирамидки. Павел беспечно машет рукой: тут и правда гибнут, но единицы, исключительно по неосторожности и почти всегда зимой, хотя, бывает, и летом. Тебе почему-то не смешно, и на пути назад ты высматриваешь траурные памятные знаки, но обнаруживаешь только один, не совсем в тему. Это бюст погибшего в 1941 году при обороне родины от нацистских оккупантов генерала Яниса Папарродаса с высеченным на мемориальном камне вполне древнегреческим стихом с великой первой строкой “Приветствую тебя, о смерть!”. Наверняка как раз у этого памятника молодые парашютисты получают значки отличников боевой подготовки.

Проводник Павел – нормальный мужик, он все понимает, смотрит в твои выпученные глаза и задумчиво говорит, что на Митикас, пожалуй, сегодня не дойти, поскольку тогда мы не успеем спуститься к военной базе до темноты. До пика Митикас на самом деле рукой подать, он молчаливый и прекрасный, нас разделяют только солнечный ветер и прозрачный воздух, но ползти к этой вершине нужно еще примерно час – сначала по горному хребту, а потом наверх по голой скале едва ли не на четвереньках. А у тебя и без того мелко трясутся ноги, а в голове оглушительно бухают мысли и кровь. Поэтому ты делаешь мужественную паузу – и соглашаешься немедленно, очень быстро вернуться. Уже через два часа дневальный на КПП козыряет тебе как старому знакомому, и тут ты понимаешь, что прожил один из важных дней своей жизни. Потому что почти наверняка никогда больше не увидишь эти скалы и эти заоблачные горы, никогда больше не достанешь подрагивающими пальцами сигарету из заветной пачки на самой верхотуре Балкан и не затянешься в суровом молчании, глядя в лицо вечности.

Двести с небольшим лет назад никто в Западной Европе понятия не имел о том, что такое Балканский полуостров, ведь прусский географ Йохан Август Цойне запустил этот термин в научно-популярное обращение только в 1808 году. Ученый следовал общепринятой практике своего времени – давать название области по ее главному горному массиву, хотя Балканская гряда (она же Стара-Планина) не является ни самой обширной, ни самой высокой на полуострове. Я встречал и другую версию: Цойне воспользовался опытом английского путешественника Джона Морриса – тот в конце XVIII века совершил вояж из центра Старого Света на его окраину, в Стамбул/Константинополь, и на обратном пути захватил с собой в христианский мир экзотическое словечко.

Николай Майков. «Олимп. Эскиз плафона». 1830–1840-е годы. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Попытки лучше определить неточно обозначенное европейцами, конечно, предпринимали и раньше. На исходе XV столетия итальянский дипломат Филипп Буонакорси описывал в меморандуме в Ватикан далекий край, обитатели которого называли свою горную родину Балканами. Вообще вплоть до середины XIX века в просвещенной Европе “восточными странами” – *l'Orient* – считали все то зыбкое, что уходило по карте вправо и вниз за пределы обозримого из главных тогдашних столиц мира: Россию, Польшу, иногда Богемию, изредка даже Испанию. “Азия начинается за Ландштрассе”, – сказал однажды австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних, имея в виду близкий восточный пригород Вены. Джордж Гордон Байрон в поэме “Паломничество Чайльд-Гарольда” (1809–1818), одна песнь которой целиком посвящена путешествиям по просторам современных Албании и Греции, ни разу не упомянул Балканы. Я искал напрасно: лорд, по-видимому, этого слова просто не знал.

На Западе обширные территории за реками Савой и Дунаем до начала прошлого столетия именовали Европейской Турцией (что соответствовало реальности, потому что практически весь Балканский полуостров на протяжении четырех или пяти веков составлял часть Османской империи), а иногда и цветистее – Европейским Левантом. В 1863 году один из основоположников албанистики, Иоганн Георг фон Хан, австрийский консул в Янине и Афинах, предложил термин “Восточно-Европейский полуостров”; постепенно дипломаты, ученые,

политики заговорили о Юго-Восточной Европе как о территории с общей судьбой. Кровавое второе десятилетие XX века, наряду с распадом нескольких империй принесшее появление или новое утверждение на бывших османских и австро-венгерских землях шести разнородных государств, закрепило представление о Балканах как о непредсказуемом непростом целом. Страны с пестрой этнической структурой – Албания, Болгария, Греция, Румыния, Турция, Югославия – копировали модели западноевропейских национальных государств XIX столетия. Сейчас все умножилось на два: Балканский полуостров вмещает в себя дюжину стран, и в каждой задают себе вопросы о прошлом и настоящем, ответы на которые почти всегда непозволительно сглажены.

В Османской империи раскинувшиеся “по ту сторону” Босфорского пролива владения султана именовали Румелией, страной ромеев (Рум, Рим – так арабы обозначали Восточную Римскую империю; подданные ее были известны как ромеи, римляне). В византийское тысячелетие на землях полуострова – за исключением тех периодов, когда их отвоевывали тюркские или славянские варвары, – размещался десяток военно-административных округов, фем; некоторые (как Фракия или Македония) сохраняли древнеримские названия. “Римская нарезка” была крупнее: в эпоху поздней античности на полуострове помещались шесть имперских провинций целиком и три частично.

Даже в начале времен у всего были имена, пусть и мифологические. Среди персонажей античного эпоса числился фракийский царь Гем (сын ветра Борея), соединивший свою судьбу с нимфой Родопой (дочерью музы Каллиопы или музы Эвтерпы). Боги Олимпа разгневались, когда эта супружеская чета осмелилась уподобить себя Зевсу и Гере. Как рассказал нам Овидий, в наказание Гем был превращен в Гемские горы, а Родопы – соответственно в горы Родопские: *“Снежные горы теперь, а некогда смертные люди / Прозвища вечных богов они оба рискнули присвоить”*. В мифах Древней Греции насчет Гемских гор встречается более жестокое разъяснение, согласно которому это название происходит от слова *αἷμα* (“кровь”). Свою кровь пролил на безымянные прежде вершины великан Тифон, олицетворявший огненные силы земли. Тифон мог бы сделаться властелином над богами и смертными, если бы Зевс не поверг чудище в бездну ударом молнии. В эллинистической традиции Балканский полуостров целиком тоже назывался Гем. С географических карт это название в наши дни исчезло, чтобы, подобно другим античным топонимам, подняться в небеса: Гемские горы находятся на Луне, окаймляя берега моря Ясности.

Слово *balkan* тюркского происхождения, этим существительным обозначают неровную гористую местность, поросшую густым лесом. В болгарской историографии закрепились теория, согласно которой кочевникам-булгарам под этим названием был известен протяженный, ровно в 555 километров, хребет (все те же Гемские горы), в новые времена переименованный на славянский манер Стара-Планина (“старая гора”). Однако историки из других стран категоричны: документальных подтверждений использования в доосманский период термина “Балканы” применительно к привычным для нас теперь балканским землям нет.

Тем не менее само понятие вполне древнее, потому что в Евразии – в частности, и в тех краях, откуда сначала в Анатолию, а потом и в Румелию пришло османское племя, – есть свои Балканы. На западе пустыни Каракумы тянется к Каспийскому морю хребет Большой Балкан (Балхан). В предгорьях туркменских Балкан хорошеет на углеводородных деньгах город Балканабат, административный центр нефтедобывающего Балканского велаята. Местная футбольная команда, четырехкратный чемпион республики, тоже называется “Балкан”; ее клубная эмблема с неизбежностью сочетает изображения пятнистого мяча и нефтяной вышки. В башкирской глубинке, у озера Асылыкуль, есть вершина Балкан (Балкан-Тау), элемент Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Эта гора совсем невысока, зато, как сказал краевед, овеяна легендами: из башкирского эпоса известно, что на вершине Балкан-Тау захоронены несчастливые влюбленные – батыр Заятуляк и дочь владыки озера красавица Хыухылу (“башкирская

русалка»). Балкантау также – важная улица казахстанской столицы Астаны: здесь расположены отель “Казжол”, ресторан “Фергана” и банный центр “Будь здоров!”.

Тюркская (точнее, наверняка татарская) топонимика добралась и до Москвы: в районе трех вокзалов сохранился Большой Балканский переулок (прежде существовал и Малый), именованный по засыпанному в конце XIX века пруду. Вероятно, термин использован в данном случае в значениях “болото”, “грязь”. Добавлю еще, что какие-то странные остряки присвоили название “Балкан” запущенному в России в производство в конце 2000-х годов автоматическому станковому гранатомету АГС-40. Это страшное оружие массового убийства (самое совершенное в своем классе, чем и гордятся его создатели, если только смерти требуется совершенство).

БАЛКАНСКИЕ ИСТОРИИ КАК БУЗЛУДЖА СТАЛА ГОРОЙ ГЕРОЕВ

Хаджи Димитр (Димитр Асенов). Фото. 1860-е годы

В июле 1868 года на горе Бузлуджа (высота 1441 метр), к востоку от Шипкинского перевала, в неравном бою с войсками Османской империи погиб отряд повстанцев под командованием Хаджи Димитра (Димитра Асенова). Как гласит национально-освободительная легенда, православные четники

предпочли плену героическую смерть. Истекающий кровью 28-летний воевода Димитр испустил дух со словами: “Братья, умрем как болгары!” Этому подвигу еще один певец свободы, Христо Ботев (сам через несколько лет погибший от османской пули), посвятил героическую балладу “Хаджи Димитр”.

Кто в грозной битве пал за свободу,
тот не погибнет: по нем рыдают
земля и небо, зверь и природа,
и люди песни о нем слагают...
Днем осеняет крылом орлица,
волк ночью кротко зализжет раны;
и спутник смелого – сокол-птица —
о нем печется, как брат названный.
Настанет вечер – при лунном свете
усеют звезды весь свод небесный.
В дубравах темных повеет ветер —
гремят Балканы гайдуцкой песней!¹

Летом 1891 года все на той же вершине другая группа болгарских патриотов исполнила, по завету Ботева, гайдуцкую песню, после чего учредила Болгарскую социал-демократическую партию. Наследница этой организации, приняв линию Владимира Ленина и переименовавшись в Болгарскую коммунистическую партию, после Второй мировой войны пришла к власти в Болгарии. Вскоре Бузлуджа превратилась в святыню местных коммунистов, считавших, что они соединили в своей деятельности идеалы национального освобождения с борьбой за счастье трудового народа. В 1970–1980-е годы на вершине воздвигли так называемый Факельный памятник, а также пантеон в честь Болгарской компартии, смахивающий на огромную летающую тарелку. “Дом-памятник партии” – самый большой идеологический монумент Болгарии, настоящее коммунистическое капище. Интерьеры декорировали скульптурами, бронзовыми барельефами, дюжиной мозаичных панно общей площадью 550 квадратных метров на патриотическо-коммунистические темы, такие как “Рождение партии”, “Социалистическое переустройство сельского хозяйства”, “Болгарско-советская дружба”. На горе Бузлуджа круглогодично проводились официозные мероприятия: прием в детскую коммунистическую организацию *Септемврийче*, торжества по поводу государственных праздников и разных достижений социализма, чествование передовиков производства. Современность обошла с памятником жестоко: в 1990-е годы мемориал разграбили, каменные картины разбили, мозаичные портреты основоположников марксизма-ленинизма и их болгарских последователей испортили. Над центральным входом в брошенную святыню появилось издевательское граффити “Забудь свое прошлое!”. В 2011 году мемориал безвозмездно передали в собственность Болгарской социалистической партии, которая ежегодно проводит на вершине Бузлуджи массовые мероприятия и постепенно приводит “летающую тарелку” в порядок.

¹ Перевод Алексея Суркова. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Типология Балкан в общем и целом соответствует их тюркскому наименованию: здесь множество возвышенностей, поросших буком, дубом, пихтой или сосной, хотя в последние десятилетия кое-где велась массовая вырубка деревьев. На полуторакилометровых отметках турецкая терминология дает сбой: леса сменяются сначала зарослями вереска и можжевельника, потом лугами, еще ближе к небу простирается царство лысых камней. Балканская горная область не рекордсменка по высотности в Европе, она уступает и Кавказу, и Альпам, и Пиренеям. Вечных льдов здесь нет: в самой холодной точке Балканского полуострова, на вершине Мусала² (2925 метров), снежный покров держится семь или восемь месяцев, а в последние годы и того меньше. “Крышу Европы” ищите в иных краях.

Пик Мусала. Фото. 1944 год. Болгарский национальный архив, София

Мусала находится в Болгарии, несколько неожиданно для меня оказавшейся самой высокогорной балканской страной: здесь, представьте себе, насчитали 55 вершин за 2500 метров. По вертикальной части Болгария опережает приподнятые к небу Грецию, Черногорию и Сербию, потерявшую многие свои высотные ресурсы после провозглашения независимости Косова². До подножия Мусалы можно за пару часов доехать из Софии. И этот ороним, как многое на Балканах, тюркский, означает “близко к Аллаху”. С 1949 по 1962 год название горы было политическим, пик Сталин; забавно, что символика – “молитвенная вершина” – парадоксальным образом сохранялась. Олимпийский пик Митикас, кстати, немного, но уступает Мусале; эта шести- или семиметровая разница – один из источников болгарской национальной гордости. Помимо патриотических значений Мусала известна тем, что на ее склонах часто замечают стенолазов – эти забавные серо-красные птички умеют быстро и ловко, опираясь на хвосты, скакать по утесам и обрывам.

² Парламент Косова объявил о независимости края в феврале 2008 года. К осени 2018-го о признании государственной самостоятельности Республики Косово заявили 113 из 193 стран – членов ООН (58,5 %); в этом списке нет Сербии, России, Китая, Индии, Бразилии, пяти стран Европейского союза, в их числе Испании. Рассказывая в этой книге о Косове, я исхожу из международно – правового определения “частично признанное государство”.

В историко-культурном смысле балканские края осмыслены и изучены хуже, чем самые знаменитые в мире горы, Альпы, иначе говорилось бы не “альпинизм”, а “балканизм”, не “альпеншток”, а “балканшток” и луга между поясами кустарника и камня не назывались бы альпийскими. Это не означает, конечно, что Балканы описаны плохо. В библиографии интересной научной работы словенского антрополога Божидара Езерника “Дикая Европа”, в подробностях изучившего вопрос о том, как представляли себе Балканы западные и восточные путешественники второй половины XVII – начала XX веков, указано почти семь сотен названий. Согласно геологической классификации, балканские горы не старые и не молодые, а нормальные: им около 250 миллионов лет, они образовались на стыке мезозойской и палеозойской эр. Нынешние очертания полуострова окончательно сложились в результате движений земной коры 2,5 или 3 миллиона лет назад. Кора до сих пор колыхается, тектоническая активность продолжается, и землетрясения случаются едва ли не каждый год. Последняя по времени большая катастрофа произошла в 1963-м, когда семибалльные подземные толчки разрушили македонскую столицу Скопье, которая потом хотя и была поднята из руин общими усилиями югославских республик, особой красоты так и не приобрела.

Истории, впрочем, знакомы бедствия и поужаснее: доказано, что три с половиной тысячелетия назад извержение вулкана Санторин на эгейском острове Тира (острова Греции географически тоже считаются частью Балканского полуострова) вызвало мощнейшее цунами, утопившее минойскую цивилизацию на Крите. Легенда гласит: так погибла Атлантида. А вулкан Нисирос на одноименном острове до сих пор “дышит”, прогревая почву. Когда поедете туда, надевайте башмаки на толстой подошве.

Вопрос, что именно в балканской зоне считать горными системами, горными цепями, горными массивами, горными хребтами, что нагорьями и плато, а что просто лесистыми холмами, до сих пор является предметом произвольных толкований, легко заметить разницей. Географы не включают Балканы, в отличие от Кавказа, Памира или Альп, в число “горных стран” – “обширных участков поверхности большой протяженности со складчато-глыбовой структурой земной коры”. Территория Балкан, около 70 % которой приходится на горы, очевидно более складчато-глыбовая, чем Европа в целом. Теоретики сельского хозяйства подсчитали, что в Греции всего только 20 % территории пригодно для земледелия, а в Албании – еще вдвое меньше. На севере полуострова этот показатель повышается до 40 %, и тогда получается, что Балканы – совсем не одни только склоны, провалы и каньоны, здесь хватает и горизонтального измерения. Паннонская впадина переходит в Дунайскую равнину, южнее которой, очеркнутые горной чередой, лежат Верхнефракийская и Нижнефракийская низменности. Но в целом как не согласиться с французским историком Жоржем Кастелланом, который на первой же странице своей хрестоматийной “Истории Балкан от Мехмеда Завоевателя до Сталина” заявляет: *“Когда ваш самолет снижается над Афинами, Тираной или Софией, вы только горы и видите. Даже более легкодоступные Белград и Бухарест расположены на холмах Шумадии и отрогах Карпат. Горы здесь повсюду”*?

Не претендуя на исчерпывающую точность, предложу свой перечень главных балканских высотных формаций: Стара-Планина и Рила-Родопский массив в Болгарии; Динарское нагорье, протянувшееся от Албании через бывшие югославские республики до северной оконечности Адриатического моря (эти горные цепи иногда называют Албанскими и Динарскими Альпами, но мне такие названия не нравятся, какие же это Альпы?!); наконец, горы Пинд в Греции и их продолжение, горы Тайгет на Пелопоннесском полуострове. Юлийские Альпы (вот это как раз Альпы), зацепившие часть Словении, географически считать территорией Балкан неверно, но что прикажете делать, если самая высокая вершина этого массива, пик Триглав, в массовом сознании на протяжении почти всего XX века ассоциировалась с южнославянской федерацией?

Кое-кому из специалистов (сошлюсь на мнение американского политического географа Джона Лампе) балканские горы кажутся несчастливыми: они не таят в своих недрах значительных запасов полезных ископаемых и часто оказывались недостаточно высокими, чтобы защитить местных жителей от вражеских армий, но всегда были достаточно рельефными, чтобы разъединять племена и народы. Ключевым фактором выживания и самосохранения здесь испокон века считалось тесное семейное, групповое сотрудничество. Фигурально говоря, понятие “род” во многих районах Балкан значило больше, чем понятие “народ”. За пределами этого узкого социального круга начинался чужой, как правило враждебный, мир, к которому следовало относиться с опаской. Поэтому у многих из тех, кто считает балканские земли своими, имеется общая, невзирая на национальность и веру, эмоциональная особенность: сильная привязанность к своему краю, прямо-таки пассионарная гордость за “прямых” предков. Это и есть пережившее века чувство балканской родины, у которого мало общего с государственными границами.

География на юго-востоке Европы не всегда дружит с политикой и этнографией. Северную границу полуострова представители разных областей знаний и ученые разных стран вычисляют всяк по-своему. Британская энциклопедия определяет площадь полуострова в 666 тысяч квадратных километров, что совпадает с библейским числом зверя, солидные отечественные источники сокращают ее до 505 тысяч. Справочники большинства балканских государств отмеряют полуострову 550 тысяч квадратных километров (равняется площади Франции). Классический маршрут северной кромки Балкан в конце XIX столетия прочертил видный сербский географ и антрополог Йован Цвиич: по руслу рек Соча – Сава – Дунай. Есть также вариация по рекам Соча – Випава – Крка – Сава – Дунай, а есть и такая (вообще без клочков Италии и полуострова Истрия): Купа – Сава – Дунай, и даже Уна – Сава – Дунай.

ДЕТИ БАЛКАН

АЛИ-ПАША ЯНИНСКИЙ

“Мусульманский Бонапарт”

Иоганн Непомук Гейгер. “Султану Махмуду II подносят голову Али-паши Тепелени”.
Гравюра. 1860 год

Османский сановник, управитель обширных земель, занимавших территории современных Албании и севера Греции, Али-паша из города Тепелени стал популярным героем европейской романтической литературы. Колоритная фигура паши, описанная Байроном, Александром Дюма, Мором Йокаи, соответствовала “балканскому канону”, каким его вывели на Западе. Характер этого человека и в самом деле сочетал коварство и жестокость с острым умом и благородством, повадки разбойника и восточного деспота – с тягой к просвещению и мудрой политике, жажду власти и славы – с искусством переговорщика и религиозной терпимостью. Дюма-отец писал об Али-паше в “Истории знаменитых преступлений” безапелляционно: *“Во всей вселенной он видел лишь себя самого, только себя самого любил и только ради себя старался. Природа наградила его зачатками всех мыслимых страстей, и он посвятил всю свою долгую жизнь их развитию и удовлетворению”*. Али-паша родился в 1740 году в семье османского чиновника, албанца из этнической

группы тосков. С юных лет промышлял разбоем, принесшим ему деньги и влияние в горных деревнях, затем за взятку был назначен надзирателем над дорожным хозяйством в местной администрации. Храбрость, богатство и хитрость обеспечили быстрое продвижение по службе. В 1788 году Али-паша получил в управление пашалык со столицей в Янине (сейчас административный центр округа Эпир в Греции) – городе, ставшем центром греческого просвещения в Османской империи. Большую часть населения области составляли христиане, на самоуправление которых Али-паша опирался, выстраивая свою восточную политику. “Паша может быть назван первым апостолом могущества европейской культуры и необходимости коренных реформ”, – сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Правитель Янины навел порядок в округе, расправился с горской вольницей, установил беспощадный режим налоговых сборов. Заметки о встречах в 1809 году с Али-пашой оставил Байрон, на которого “именитый разбойник”, очаровавший гостя приятными манерами, произвел тем не менее устрашающее впечатление: *“Это безжалостный тиран, повинный в чудовищных жестокостях, прославленный своими победами настолько, что его называют ‘мусульманским Бонапартом’”*. В начале XIX века власть султана на местах была непрочной. Управляя Янинским пашалыком в течение 35 лет, Али-паша проводил независимую политику: заключал тактические союзы то с англичанами, то с французами, во время русско-турецкой войны позволял себе переписку с князем Григорием Потемкиным. Наполеон дважды предлагал паше корону Албании, рассчитывая в борьбе с Османской империей добиться поддержки одного из самых влиятельных ее феодалов. Некоторые историки полагают, что объективно Али-паша способствовал развитию греческого освободительного движения, хотя он и любил проводить карательные акции против повстанцев. Так или иначе, паша очевидно склонялся к сепаратизму, и в 1819 году султан Махмуд II решил покарать зарвавшегося наместника. Описанию трагической гибели Янины Александр Дюма посвятил главу прославленного романа. Пленительная наложница графа Монте-Кристо Гайде – проданная Фернаном Мондего в рабство дочь Али-паши; тот же негодяй Мондего, если верить Дюма, сдал армии султана за две тысячи кошельков золота защищавшую город крепость. Но реальность более прозаична: после многомесячной осады Янины 82-летний паша был застрелен в бою, и его отрубленную голову выставили на серебряном подносе на обозрение в столице империи. Албанский мусульманский поэт Хаджи Шахрети посвятил паше написанную на одном из новогреческих диалектов цветистую поэму, стиль которой до сих пор изучают лингвисты. В Тепелени Али-паше установлен памятник, его мавзолей в Янине стал адресом исламского паломничества.

В некоторых книгах площадь Балкан увеличивают до 716 тысяч квадратных километров, зачисляя в искомый круг румынские области Валахия и Молдова и определяя восточной границей полуострова реку Прут. Я сверился у всех авторитетных географов, у каких только смог: если это допущение и верно, то исключительно политико-исторически. Максимально расширительное толкование Балкан предложил неведомый мне простодушный геометр, прочертивший явно по линейке прямую от итальянского курорта Монфальконе близ Триеста (самая северная точка Средиземноморского побережья) до низовий реки Южный Буг у Николаева на Украине, так что балканским городом оказалась и Одесса. В селе Заря Одесской области, может, не случайно в 2007 году основана любительская, но вполне успешная для своего ранга футбольная

команда “Балканы” – и у туркменских спортсменов нашлись одноклубники. Так Европа неподалеку от берегов Понта Эвксинского встречается с Центральной Азией.

По данным статистической службы *Eurostat*, население балканских стран составляет примерно 72 миллиона человек. В сводной таблице не учтены азиатская часть Турции (69 миллионов), которая Балканским полуостровом не является, а также население 0,1 % итальянской территории (уголок провинции Триест, 250 тысяч человек), которая признается некоторыми географическими справочниками балканской. Зато в таблицу плюсовано все население Румынии, хотя южнее Дуная расположена только одна область этой страны, Северная Добруджа (970 тысяч человек). Балканским сочтено также население сербского края Воеводина (1,93 миллиона), хорватских областей Славония и Загорье (1,1 миллиона) и половины Словении (900 тысяч человек) – все эти земли лежат, наоборот, к северу от речной границы полуострова. Вычитаем, согласно правильным атласам и картам, и получаем 50 или 51 миллион балканцев. Примерно столько же, сколько в мире южнокорейцев или жителей ЮАР.

Но и эти данные вовсе не окончательные, по крайней мере с мировоззренческой точки зрения. Едва ли вы встретите словенцев, хоть с горного севера республики, хоть с ее приморского юго-запада, которые согласились бы с балканской принадлежностью своей страны. В Любляне и Мариборе предпочитают говорить о Центральной Европе, об Альпийском или Средиземноморском регионе, что справедливо географически, но не совсем корректно с точки зрения истории и политики. Итальянцы из Триеста даже постановку вопроса о Балканах применительно к своей провинции воспримут с недоумением. Уже четверть века, с первого дня государственной самостоятельности, стремится выйти вон с Балкан Хорватия, по крайней мере половина территории которой по любым расчетам лежит в пределах полуострова. В Загребе обращают внимание не на правду науки, а на теорию “центральноевропейской и средиземноморской идентичности хорватского народа”, которому кое-кто из местных научных патриотов приписывает не славянское, а кельтское или древнеперсидское происхождение.

Напротив, Турция и Румыния – важные страны юго-востока Европы, лишь краешками задевшие Балканы, – не скрывают своих интересов в этой зоне и не стыдятся сопричастности с ней. Самый центр, сердце полуострова, я разместил бы где-нибудь в горах Македонии или Косова – эти территории столь плотно со всех сторон прикрыты границами, что кажется: так сделано специально, дабы оттуда не выветрился особый балканский дух. Может, это география невероятным образом вмешивается в историю и политику? Ведь жить на горе, под крутой горой, между горой и морем, среди гор, на берегу реки, у границы, в окружении близких границ, на острове – означает по-разному смотреть на мир. Отсюда дробление национальных психологий и коллективного сознания. Когда сербы из Воеводины говорят о сербах из Герцеговины или сербах из лесистого нагорья Златибор: “Они совсем другие, не такие, как мы”, – имеют в виду именно это. Албанцы из Черногории считают себя не такими, как албанцы в Косове или собственно Албании, находят отличие и в диалектах, и в менталитете, и в культурных навыках. География оставила Балканам множество “карманов”, в которых время все еще идет по своим часам, в которых консервируются нравы и обычаи, в которых современность такова, что сразу ее не примешь и не поймешь.

Народный праздник в Боснии и Герцеговине. Открытка. 1895 год

Прав словенский поэт Борис Новак, заметивший, что определение балканских границ – “вопрос не науки, а сердца”. Важнее географических дефиниций оказывается популярное восприятие Балкан как беспокойного общественно-политического пространства, “пороховой бочки”, буйного края, из которого только и происходят локальные и всеобщие войны, потоки беженцев и переселенцев, горе да нищета. Такое представление формировалось в XVIII–XIX веках, когда после нескольких столетий доминирования Османской империи христианская Европа обнаруживала, изобретала свой юго-восточный пяточок заново. Порабощенные турками европейские пространства долго представляли на Западе сплошным темным пятном, подсвеченным рассказами чудаков-авантюристов и байками оборотистых негоциантов. Эту этнически нерасчлененную территорию едва ли не более плотно, чем живые люди, населяли всяческие тени и вурдалаки. Уроженцев Балкан, оказавшихся зачем-нибудь в просвещенных столицах, часто (по “византийской”, “ромейской” привычке) считали греками, ставили знак равенства между принадлежностью к “греческой вере” и национальностью, пока не разобрались, что чаще всего эти странные люди бывают все-таки славянами. Жителям Запада, как писал Божидар Езерник, *“география полуострова казалась слишком запутанной, этнография слишком неясной, история слишком сложной, а политика чересчур непонятной”*.

На юго-востоке Европы вызревал “восточный вопрос”, в конце концов оказавшийся в центре политики великих держав. По мере того как слабела и отступала к Босфору Османская империя, четче прорисовывались новые балканские политические границы. Древнегреческое прошлое на фоне новогреческого восстания 1820-х годов, воспетого стыдившим местных крестьян за трусость лордом Байроном, не оставило европейцев равнодушными. Они сочувствовали румынской, болгарской, сербской эмансипации, потом сопереживали восстанию славян-македонцев, заказывая к обеду в модных ресторанах салат *macédoine*, составленный из разных ингредиентов, подобно тому как на Балканах “мелко нарезались и тщательно перемешивались” разные народы и их обычаи.

Упомяну в этой связи два имени, пусть и не первой литературной величины, – французских писателей Пьера Д’Эспанья и Кловиса Уга. Первый из них, названный в справочнике, который я откопал в одной букинистической лавке в Охриде, страстным исследователем недо-

статочны известных географических пределов, посвятил жизнь экзотическим путешествиям. На переломе XIX и XX столетий Д'Эспанья побывал в Колумбии, затем отправился в западноафриканскую колонию Ривьер-дю-Сюд (нынешняя Гвинея), а еще позже – скорее всего, по причинам авантюристического толка – в турне по Европейской Турции. В 1901-м Д'Эспанья приступил к сочинению романа на македонские темы “Перед побоищем”, работу над которым завершил через год на Берегу Слоновой Кости, после чего скончался там же от желтой лихорадки. Его тираноборческая книга посвящена идеалам южнославянской независимости и завершается лозунгом “Да здравствует революция!”, под которой понимается всеобщее вооруженное восстание против Османской империи. Кловис Уг – сторонник Парижской коммуны, депутат, публицист и поэт. По молодости лет Уг так решительно защищал свои политические взгляды, что не побоялся драться из-за них на оказавшейся роковой для его соперника дуэли. В опубликованном в 1903 году трехчастном стихотворении “За македонцев!” Уг обратился к античному прошлому Балкан, а затем воззвал к совести и чести западноевропейских правительств: они должны были оказать немедленное давление на султана с тем, чтобы восточный тиран облегчил положение христианских подданных.

Но в политических кабинетах с высокими потолками и аристократических салонах с яркими люстрами кривой треугольник на юго-востоке Европы вызывал, увы, легкое презрение, поскольку его обитатели, как считалось, лишь в малой степени обладали прекрасными качествами, которыми просвещенный свет наделял сам себя, – порядком, чистотой, самоконтролем, уважением к закону, чувством справедливости, эффективными социальными институтами. Поведение неотесанных горцев не соответствовало представлениям цивилизованного мира о том, каким этот мир должен быть. Западные путешественники смотрели на Балканы, как Нарцисс в воды ручья: они видели не то, что в глубине, но лишь любовались отражением собственных добродетелей. Впрочем, и сами горцы, кажется, особенно не пытались соответствовать высоким международным стандартам. Европейцы поэтому наделяли их, как и детей дальнего Ориента, сомнительной с точки зрения прагматической морали триадой качеств: лень, нега, жестокость. Едва ли не единственным положительным отличием балканских окраин была характерная для этих краев религиозная и этническая толерантность, похвальная на фоне кровавых межхристианских противоречий Старого Света и почти повсеместных гонений на евреев. Замечу, однако, что это немало: посмотрите на мир вокруг себя, оцените итоги древних и современных войн и ответьте, не является ли терпимость к чужим вере, языку и национальности высшим из всех достоинств?

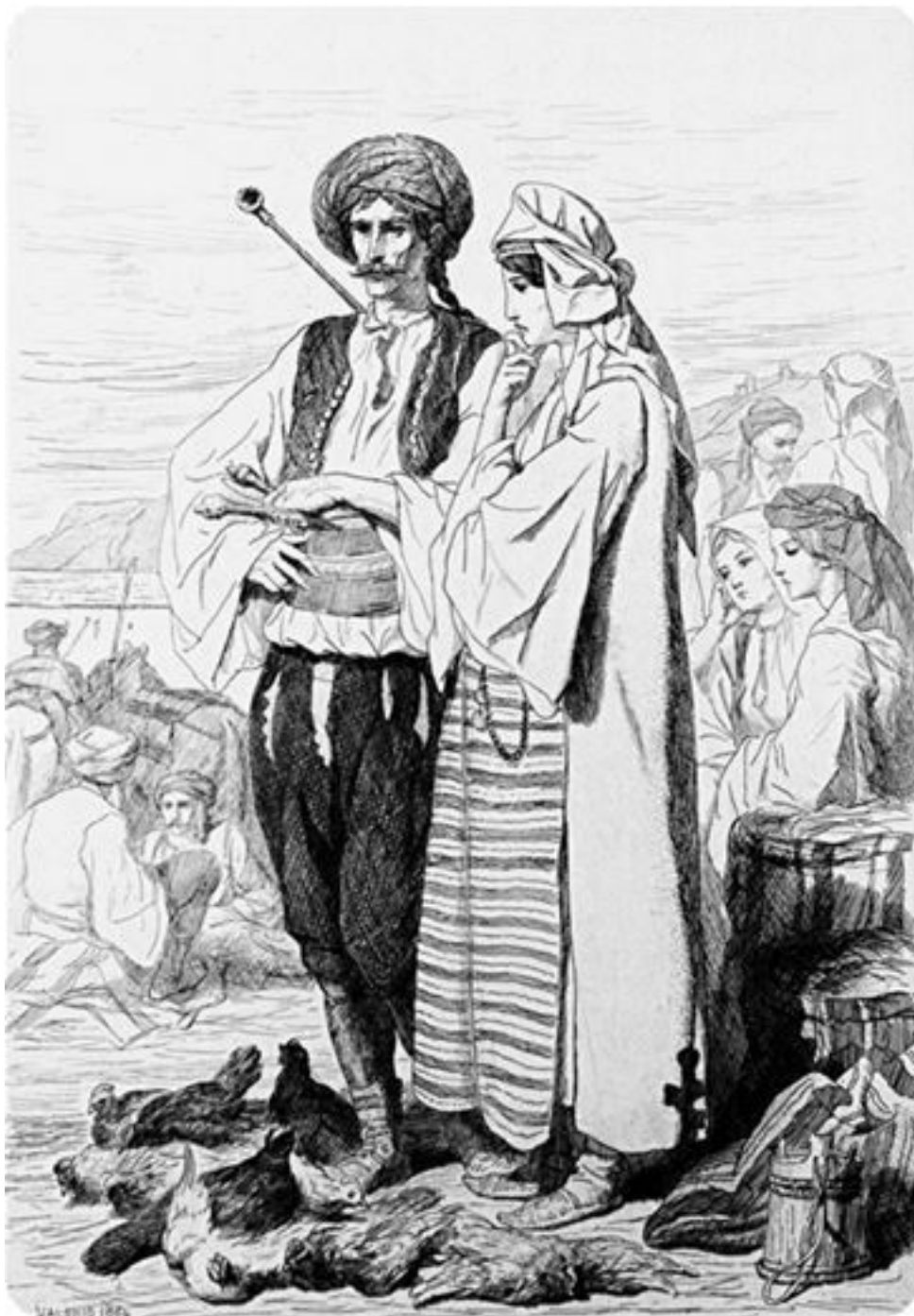
После освобождения балканских народов от власти Османов разные германские королевства и княжества (однажды еще и Дания) выслали в Афины, Софию, Бухарест своих высококордных, но небогатых представителей: формировать новые монархические династии. Немцы и австрийцы спустили по Дунаю цивилизаторскую миссию, французы и англичане действовали с помощью займов и кредитных билетов, а Россия поставляла кровь своих солдат, несла православный крест и панславянскую идею. Обслуживавшие этот исторический поход интеллектуалы сконструировали из Балкан образ “другого”, находящегося рядом с “нами”, – близкого, но чужого. Неравного.

Западноевропейские миссионеры, отправлявшиеся на край Ойкумены, чаще всего возвращались домой с путевыми записками о “добрых дикарях” и никакой разницы между “нецивилизованной Европой”, Африкой или островами Полинезии не проводили. В 1780-е годы итальянский аббат Альберто Фортис, историк и естествоиспытатель на венецианской службе, предпринял турне по Далмации и островам Адриатики, составив книгу путешествий с описанием местных условий жизни, природы и обычаев. Одна глава исследования, обширная и подробная, посвящена морлакам (морлахам), ассимилированной ныне этнической группе, по-видимому, восточнороманского происхождения. Не исключено, что Фортис отождествлял с морлаками все негородское славянское население Далмации. Этот аббат отличался незауряд-

ной для своей эпохи научной честностью и не сочинял небылиц о грубых невежественных горцах, тем более что морлаки встречали чужеземца приветливо и обращались с ним дружелюбно. Для описаний Фортиса характерны выражения вроде *“невинность и естественная свобода пасторальных времен”* и *“души, не испорченные обществом, называемым нами культурным”*. Тем не менее и Фортис успешно транслировал привычные для колониальной эпохи расовые стереотипы: поскольку европейцы считали себя прогрессивными людьми, то во “вновь открытых странах” они непременно встречали “варваров”.

Такой подход в этнографии сохранялся и в начале XX века – тех же жителей Далмации описывали в 1910-е годы как “народ, который все еще счастливо примитивен, который все еще не стыдится своей колоритности и находится в блаженном неведении относительно трех четвертей благ цивилизации”. Столетием раньше Филипп Торнтон и даже знаменитый Иоганн Георг фон Хан только с долей шутки, зато в подробностях пересказывали небылицы о *“хвостатых молодых албанцах”*. Что уж говорить о конце XVIII столетия: книга Фортиса “Путешествия в Далмацию” стала международным хитом, ее перевели на немецкий, французский и английский языки. Европа увидела “примитивный мир” у своего порога; подтвердилось, что дикари живут по соседству. Исследование итальянского аббата вдохновило Жюстину де Винн, любовницу Джакомо Казановы, писавшую под псевдонимом Мадемуазель Х. С. V., на создание салонного романа “Морлаки”. Теперь эта вышедшая в 1788 году книга забыта, но в свое время ее хвалили и Иоганн Вольфганг Гёте, и мадам де Сталь.

В 1844 году почтенный британский путешественник и известный египтолог сэр Джон Гарднер Уилкинсон совершил вояж на юго-восток Европы, где стояла привычная для Балкан военная пора. Обеспокоенный увиденным, Уилкинсон обратился с письмом к владыке Черногории, митрополиту Черногорскому и Брдскому Петру II Петровичу-Негошу с призывом отказаться от обычая отрезать поверженным врагам головы и выставлять их на всеобщее обозрение. Британский историк попытался объяснить своему корреспонденту разницу между “цивилизованной” войной и такой войной, в ходе которой применяется “шокирующе антигуманная практика”. Петр, православный митрополит, вежливо отказал чужеземцу в его странной просьбе: черногорцы не считали антигуманной традицию мести османским завоевателям, зато полагали кощунством медицинские эксперименты над телами покойных, распространенные в продвинутых европейских столицах. Отрубая неприятелям головы, горцы лишь фиксировали исчезновение смертельной угрозы, как это веками делалось на Западе в ту пору, когда Запад сам был горяч и молод. В критской войне (1645–1669) на стороне венецианцев сражался с османами английский морской капитан Томас Миддлтон. Сражался храбро и получил известность тем, что однажды привез своему генералу в подарок “целую бочку засоленных голов тех, кого убил во время частых нападений на корабли”. Понемногу балканские и западноевропейские представления о цивилизованности все же сближались. Отправляя свои отряды на сражения “великой войны” за освобождение в 1876 году, черногорский князь запретил брать в качестве трофеев отсеченные головы неприятелей – опасался репутационных потерь.

Теодор Валерио. “Крестьяне-морлаки из окрестностей Сплита”. Рисунок. 1864 год

Теодор Валерио. «Музыканты-морлаки из Салоны». Рисунок. 1864 год

Американский историк Марк Мазовер напоминает, что в середине XIX века в западно-европейских странах, критиковавших Балканы за дикость, и не думали отменять публичную смертную казнь. Во Франции, например, преступникам рубили головы на городских площадях вплоть до начала Второй мировой войны. Упоминая об этнических чистках в Боснии и Герцеговине в ходе вооруженного конфликта 1990-х годов, Мазовер резонерствует: *«Опыт нацистского концентрационного лагеря в Маутхаузене показывает, что австрийцы немногому могли научиться у боснийских сербов по части насилия... В конце концов, и ГУЛАГ был придуман не на Балканах»*.

Джон Лампе подмечал: тем не менее современная политическая наука вовсе не случайно употребляет понятие «балканизация», превратившееся в синоним сразу нескольких неприят-

ных терминов – “дизинтеграция”, “трайбализм”, “возвращение к варварству”. Болгарско-американский историк Мария Тодорова посвятила этой теме целую важную книгу “Воображая Балканы”. В ключе выдвинутой в конце 1970-х годов арабским литературоведом Эдвардом Саидом концепции ориентализма Тодорова (крупный авторитет по символике национализма) описала “балканизм” как обусловленный ходом истории и почти всегда негативный культурный феномен. Вот один из результатов ее изучения: “балканизация” есть антитеза более успешной модели этнического развития, теории *melting pot* (“плавильного тигля”), пусть и с издержками, но в целом продуктивно сработавшей, как считается, в США.

На Балканах на западное пренебрежение реагируют с обидой, еще и потому, что не хотят забывать и не устают напоминать: европейская цивилизация, насчет которой вы теперь так надуваете щеки, начиналась именно здесь, на Олимпе и Парнасе. Константинополь столетиями оставался самым большим городом в мире. Именно здесь, в византийских пределах, христианство сумело уберечь свои традиции, когда Западная Европа в сумерках Средневековья оказалась под властью вчерашних варваров. Османская империя поры своего восхождения и эпохи своего расцвета была передовым государством, у которого надменные соседи много чему могли бы научиться, если бы захотели. В конце концов, именно на этих просторах животворящий крест после многих сражений одержал верх над исламским полумесяцем, причем вклад в общую победу народов, оказавшихся на линии огня и надолго утрачивавших или вовсе не приобретших государственность, остается недооцененным.

Центральная улица Дубровника (Рагузы) – Страдун. Фото. 1901 год. Венгерский географический музей, Эрд. Фото: FORTEPAN / Magyar Földrajzi Múzeum / Erdélyi Mór sége

Прочитую американского историка Джудит Херрин: *“Самое главное, чтобы вы поняли: современный западный мир не мог бы существовать, не будь он защищен и вдохновлен тем, что происходило на востоке”*. Любой уважающий себя иностранный исследователь Балкан почитает за долг начать монографию об истории Юго-Восточной Европы с упреков в адрес западного общества: не разобрались, самоустранились, продемонстрировали кичливость, не

проявили великодушия. Но и в этой самокритике сквозит высокомерие. Без малого два века – как только появилось на географической карте само название – Балканы стремятся “тянуться” за Европой. Столицы получивших независимость государств торопились за чужой модой, приглашая к себе французских, немецких, итальянских, австрийских архитекторов. Минареты и мечети разрушали, “восточную свободу” городского устройства меняли на четкую планировку, кривые улочки – на широкие проспекты, на местах османских садов разбивали бульвары. Над балканскими потугами “соответствовать” на Западе иронизировали точно так же, как прежде насмехались над ориентальным обликом Софии и Белграда: “Пусть Бухарест будет маленьким Парижем, а Русе маленькой Веной, лишь бы Париж не стал большим Бухарестом, в Вена большим Русе”.

Итог стремительного прорыва Балкан к прогрессу вовсе не однозначен. *“Восточные страны, устремившись к западной цивилизации, потеряли колорит, но сохранили захудалость и грязь,* – писал в 1870-е годы один британский исследователь европейского юго-востока. – *После ухода османов европеизация стала рутинным делом, а старый балканский дух постепенно исчезал. Мифология заменила историю, и первыми жертвами стали терпимость и многокультурность*”. Цивилизационный парадокс точно охарактеризован у Езерника: Балканы стремятся стать частью той Европы, какой она некогда была, а Европа самоопределяется на основе отличия от Балкан и утверждает, что сейчас она наконец стала такой, какими Балканы оставались на протяжении целых столетий.

Это все правда: до сих пор балканские страны по большому счету томятся в прихожей “Старой Европы”, но ведь если течет в теле европейской цивилизации новая и свежая кровь, то эта кровь – балканская. Вот вам Марина Абрамович, вот вам (молодой) Эмир Кустурица, вот вам упаковавший мир в оберточную бумагу Христо, вот вам нобелевские лауреаты Иво Андрич, Элиас Канетти и Орхан Памук, вот Исмаил Кадаре, вот постсоветский кумир Милорад Павич, вот Константин Бранкузи и Эжен Ионеско, вот Мария Каллас и Вангелис, наконец. А если вы не такие высоколобые, если вас не проймешь афонскими старцами и Славоем Жижекком, то послушайте хотя бы, как зажигают с эстрады Таркан или свадебно-похоронный оркестр Горана Бреговича.

Главным источником балканских невзгод новейшей истории принято считать этническую чересполосицу, вызвавшую в 1990-е годы – уже на нашей общей памяти, формирующей представление о сегодняшнем дне, – череду жестоких конфликтов и, как следствие, заметное изменение политической карты. Если смотреть в корень проблемы, то она, конечно, в запоздалых по меркам общественных наук процессах государственного строительства, ведь не случайно некоторые “политические нации” на Балканах складываются до сих пор, поколение спустя после провозглашения суверенитета. Но само-то запоздание откуда? Отвечая на вопрос, два американских университетских профессора, Деннис П. Хупчик и Харольд Э. Кокс, составили “Краткий исторический атлас Балкан” из 50 откомментированных полусотней сжатых текстов бело-зеленых листов. Самый интересный лист – номер 5, под простым и сложным названием *Cultural*: с проведенными по карте жирными, салатового и травяного оттенков (кое-где пересекающимися, а кое-где расходящимися по сторонам) линиями цивилизационных разломов.

Эти разломы (использованный Х. & К. термин *fault* переводится и как “нарушение структуры”) таковы: “восточнохристианский – западнохристианский” и “восточнохристианский – исламский”. “Зоны конвергенции трех цивилизаций” отмечены бирюзовым (тут я не вполне уверен, это может быть и оттенок шартреза): север Албании с небольшими полосками Сербии и Черногории, а также юго-восточная часть Боснии. По конкретным маршрутам линий разломов с Деннисом П. Хупчиком и Харольдом Э. Коксом можно спорить (на мой взгляд, кое-где эти пунктиры проходят правее, но в целом левее), однако отдаю профессорам должное: их карта хороша тем, что просто объясняет комплексное. Да, так случилось, и факт есть факт:

именно на Балканах столкнулись углами тектонические плиты ислама, православия и западных христианских конфессий. И именно эти европейские фронты (всегда в течение последнего тысячелетия и до сих пор) даже важнее просуществовавшего всего полвека железного занавеса.

По большому историческому счету, как считается, цивилизационные швы уже сошлись, но в прорехи просыпалось время и провалилась европейская утонченность. Хупчик и Кокс описывают (на листе номер 44) эпизод балканского хаоса периода Второй мировой войны: *“Албанцы, венгры, немцы из Воеводины убивали сербов на землях под своим контролем. Болгары заставляли славян-македонцев признать себя болгарами. Усташеский режим Павелича в Хорватии пытался либо истребить сербов и евреев, либо обратить их в католицизм. Мусульмане в Боснии поднялись против сербов, чтобы отплатить им за прежние унижения. Сербь отвечали, как только и чем только могли. Образовалось огромное поле битвы между культурами”*.

Двадцатилетием ранее между Грецией, Болгарией и Турцией произошел принудительный обмен населением: около 2 миллионов человек вынужденно сменили страны своего жительства. Малоазийские греки отправились на историческую родину, греческие и болгарские турки – в Малую Азию, а славяне из греческой части Македонии – в Болгарию. Через полвека после победы над нацизмом в ходе вооруженного конфликта (свыше 100 тысяч убитых, концлагеря, военные преступления) и в результате этнических чисток 2 миллиона человек покинули Боснию и Герцеговину. Так на Балканах создавались (и доформировываются до сих пор) исповедующие молодой агрессивный национализм государства.

Так что это хороший вопрос: зарубцевались ли швы?

Политико-национальная композиция Балканского полуострова и вправду запутанна и сложна. К потомкам здешних “автохтонных” народов относят албанцев, предками которых некоторые ученые умы считают племена иллирийцев (точнее, дарданцев), и греков. При этом современные греческая культура и самосознание, как указывают многие историки, имеют мало общего с античностью, отсчет которой принято вести от VIII века до нашей эры. К “первопроходцам”, грекам и албанцам, в ряде исследований добавляют еще и румын. В Бухаресте этногенез этой нации выводят из взаимной ассимиляции дако-фракийских племен и римских легионеров – потомки тех и других якобы на века укрылись от завоевателей-варваров в Карпатских горах, чтобы затем в подходящий момент вернуться и на равнины. Такую теорию оспаривают ученые, которые считают румын потомками латиноязычных кочевников-влахов, мигрировавших к северу от Дуная в тот период, когда в Центральную Европу вторглись угорские племена. Спор ведется давно и вряд ли завершится скоро.

Первые волны тюрков-кочевников проникли на Балканский полуостров примерно в середине IV века, когда началось Великое переселение народов, а славянские варвары появились на периферии Византийской империи и Аварского каганата на полтора или два столетия позже. Первый (вообще исторически первый) союз славянских или родственных им племен, который можно считать протогосударством, возник в 620-е годы. Лидер этого объединения, вобравшего в себя и толику земель современной Словении, торговец по имени Само, был, скорее всего, франком, но суть дела это не меняет, хотя и звучит обидно для поборников славянской идеи. Племенной союз Само распался вскоре после смерти этого боевитого князя.

На той же северо-западной макушке Балкан в середине VII века образовалось и просуществовало больше полутора столетий, пока его не поглотило Франкское королевство, в основном славянское Карантанское (по одной версии, от названия племени хорутан, которых считают предками словенцев) княжество с центром на Господетском поле, что в долине реки Дравы. Теперь это благодатный юг Австрии, сельская местность с зелеными травами и тучными коровами называется Цольфельд. Есть исторический анекдот, согласно которому свободные карантанцы избирали себе вождя голосованием, а затем в знак почтения усаживали его (вроде

как интронизировали) на так называемый княжеский камень – перевернутое основание разломанной ионической колонны из римского муниципия Вируна, похожее на мраморную тумбу.

Изображение княжеского камня отчеканено на словенской евромонетке, притом что сам камень находится в Австрии. Античная тумба, символ крушения римской славы и расцвета варварских вольностей, украшает роскошный, в золоте и 665 гербах, исторический зал парламента федеральной земли Каринтия в Клагенфурте. Симпатичной церемонии инвеституры еще семь веков следовали германские владельцы княжества, добавившие своими штанами лоска древней каменной табуретке. Что и засвидетельствовала роспись художника Фромиллера над камином в ослепительнейшем геральдическом зале: здесь и князь, и его знамя, и его подданные. В конце XVI века старинную традицию описал французский философ Жан Боден, а его, между прочим, считают предтечей современной политологии. Как-то в Любляне за чашкой кофе местный интеллектуал поделился со мной смелым допуском о том, что, поскольку Томас Джефферсон изучал боденовские “Шесть книг о государстве”, карантанский обряд определенно повлиял на содержание Декларации о независимости США. До 1991 года Карантания так или иначе оставалась единственным эпизодом независимости в истории словенского народа, хотя историки, с которыми я беседовал в Любляне и Клагенфурте, полагают, что считать это княжество древнесловенским государством неверно. В германском мире, в Британии и Италии словенцев вплоть до конца XVIII века чаще всего называли альпийскими славянами.

Австрия. Клагенфурт. “Княжеский камень”. Фото Ольги Баженовой

**БАЛКАНСКИЕ ИСТОРИИ
КАК СНИМАЛИ ФИЛЬМ О ВОЙНЕ И ПОБЕДЕ**

Иосип Броз Тито. Почтовая марка. Ок. 1945 года. Фото: © rook76 / shutterstock.com

Уже через несколько недель после окончания Второй мировой войны советский режиссер Абрам Роом приступил в Белграде к съемкам фильма «В горах Югославии». Главный герой картины, боснийский серб Славко Бабич (его роль исполнил Николай Мордвинов), собирает односельчан в партизанский отряд, с боями пробивается на соединение с армией Иосипа Броза Тито, по дороге громя немецких оккупантов, их итальянских союзников, а также сербских и хорватских коллаборационистов. Героическая киноистория завершается поражением гитлеровцев и их подручных, но победа завоевана дорогой ценой: вражеская пуля настигает Славко уже после освобождения Белграда, в тот момент, когда он горюет под осиной, на которой фашисты повесили его красавицу-невесту Милицу. Финальная сцена картины – апофеоз Победы: маршал Тито (актер Иван Берсенеv) принимает парад партизанской армии и под ликование огромной толпы провозглашает здравицы великому Сталину. Идеология этой советско-югославской военной драмы столь же черно-белая, как и киноплёнка, на которой снят фильм. Если верить сценарию, киновосстание в Югославии началось строго в день нападения Германии на СССР, в бой партизаны из боснийских сел шли с именем Сталина на устах, а в перерывах между сражениями с волнением слушали радиосводки о положении под Сталинградом. «В горах Югославии» – первый полнометражный фильм социалистической Югославии, но киносправочники титовской поры об этой картине не упоминали. Большая политика оказалась быстрее кинопроизводства: пока картину монтировали, Тито отказал в верности Сталину и из ученика советского вождя превратился в агента мирового империализма. В Белграде и Загребе картину Роома вообще

не демонстрировали, в СССР прокат ограничили. Одного из персонажей фильма, главу националистического сербского движения генерала Дражу Михайловича, югославские коммунисты расстреляли. Первым фильмом социалистического экрана в Белграде долго считали вышедшую весной 1947 года картину Вьекослава Африча “Славица”, тоже военную драму. В киноленте Роома как раз Африч сыграл генерала Михайловича – карикатурно, как прихвостня нацистов. Артист быстро “реабилитировался”: в югославском фильме № 2 “Этот народ будет жить” (о любви сербской селянки Ягоды и комиссара партизанского отряда, хорватского минера Ивана) хорвату Афричу досталась роль главнокомандующего народной армией. Крупный актер мхатовской школы Берсенева, первый руководитель Московского театра имени Ленинского комсомола, примерив мундир маршала Тито, вступил в ВКП(б) и получил звание народного артиста СССР. Примерно к тому же времени относится его поздний роман с балериной Галиной Улановой. “Партизанские фильмы” (картины на темы антифашистской борьбы) на четыре десятилетия стали главным жанром югославского кинематографа.

На востоке Балканского полуострова первое славянское государство возникло в конце VII столетия, хотя его правящий класс поначалу составляли кочевники-булгары. Как гласит легенда, воинственный хан Аспарух учредил свою столицу в городе Плиска, полюбил славянскую красавицу-жрицу по имени Пагане, а его нукеры переженились на местных русоволосых прелестницах. Употребляя в юности популярный в странах социалистического содружества болгарский бренди “Плиска”, я и не подозревал, что приобщаюсь таким образом к средневековой истории.

Написанные столетием позже византийские хроники содержат упоминания о князьях, заложивших – в Паннонии и адриатическом Приморье – основы хорватской государственности: их звали Борна и Войномир. В 1102 году хорваты, превратившие свои княжества в единое королевство, почти на 900 лет потеряли независимость, после того как местная знать под давлением политических обстоятельств и вследствие военных поражений вынуждена была согласиться на династическую унию с Венгрией. А первым сербским князем, упомянутым в византийских хрониках в достоинстве вассала василевса, считается правивший в конце VIII века Вышеслав, современник Карла Великого.

Постепенное угасание мощи Константинополя (в широком смысле – на рубеже тысячелетий) привело к феодальной раздробленности на балканских землях. Вассальные, полунезависимые и только иногда независимые, крохотные и только изредка чуть побольше славяно-греческие деспотаты и княжества возникали и исчезали, враждовали друг с другом и друг в друга перетекали. Пионерным государственным образованием на территории современной Черногории стало возникшее в середине IX столетия славянское княжество Дукля, позже сменившее название на княжество Зета. На землях Боснии в конце XII века утвержденный на правление венгерским королем князь Кулин (местная калибровка “бан”, в значениях “хозяин”, “господин”), отвоевав некоторые земли у соседей, провозгласил себя независимым владельцем. Заложенная Кулином-баном держава (пусть и с некоторыми перерывами) просуществовала два с половиной столетия, а сам этот князь оставил по себе гордую память в боснийском фольклоре.

За 200 лет завоевательных походов Османская империя подмяла под себя балканские земли – и до Дуная, и за Дунаем, и до Савы, и за Савой. Османы покончили с Византией и всеми ее южнославянскими изводами. Пал Константинополь, часть населения полуострова – кто волей, кто неволей – обратилась в магометанскую веру. Исчезло “византийское содружество наций”, как образно назвал враждавший вокруг империи пестрый греко-славянский мир британский историк Димитрий Оболенский. Сейчас, через век “после султана”, Тирана и Сараево – крупнейшие, вслед за Стамбулом, Казанью, Уфой, Махачкалой, города ислам-

ской Европы; мусульмане составляют около трети населения Балкан. Как раз здесь пролегают непростые “зоны конвергенции цивилизаций”.

Многие теории происхождения народов и формирования их первых государств являются не более чем вольными гипотезами. Средневековые события на Балканах в основном описаны византийскими и арабскими хронистами, для которых сербские или болгарские дела были второстепенными эпизодами всемирного процесса. Древнее прошлое южных славян реконструировано и додумано в XIX–XX веках, когда на западе Европы получила признание идеология историзма, подразумевавшая, что успешное настоящее обязано опираться на великое прошлое. Интересы независимости казались отцам новой государственности важнее научной добросовестности; собственные исторические школы в постосманских странах лет 150 назад только начинали складываться. Да и теперь в молодых государствах поиски идентичности продолжают, прошлое перепридумывается заново. На эту тему ярко импровизировал Мазовер: *“Честная попытка понять Балканы неминуемо побуждает нас взглянуть на историю не просто как на зеркало, в котором отражаются добродетели”*. Но тем, кто у власти, часто кажется, что такой нужды нет.

В Македонии, провозгласившей независимость в процессе распада Югославии, в начале 2010-х годов разработали стратегию так называемой антиквизации. По-русски (как и на других языках) такой термин звучит искусственно, зато точно обозначает суть понятия: сторонники этой теории считают македонцев потомками подданных античного царства, расцвет которого пришелся на IV век до нашей эры. Героико-эпическая версия концепции не нова: ее отстаивал, например, в написанной в 1878 году поэме “Македонская фея” просветитель Георгий Пулевский, на склоне лет сочинивший еще и 1700-страничный труд “Общая история македонских славян”. Однако появление в XXI столетии научных изысканий на эту тему выглядит довольно экстравагантно.

Антиквизация так или иначе, как представлялось находившимся в ту пору у власти в Скопье политикам национально-консервативной ориентации, давала Македонии дополнительные возможности развеивать имеющиеся у соседей сомнения по поводу идентичности новой страны, но порождала острые околополитические дискуссии. Афины традиционно оспаривали само название “Македония”, настаивая на том, что это понятие может относиться исключительно к северогреческой провинции. В ООН и других международных организациях страна на протяжении почти трех десятилетий была представлена как *FYROM*, “бывшая югославская республика Македония”. Это только один из современных балканских узлов противоречий. Упомяну и некоторые другие: у трех национальных общин Боснии и Герцеговины принципиальным образом не совпадают представления о будущем своего государства, а у сербов и албанцев – взгляды на то, кому должно принадлежать Косово.

Балканы соединяют разнообразные европейские миры. Мой начерченный простым карандашом крест – линии, связывающие дальние уголки балканской цивилизации, – это только подтверждает. Вот холодный крайний север: медвежий уголок Словении, слегка надменный в своей безмятежности горнолыжный курорт Бовец, неотличимый от почти таких же гламурных местечек где-нибудь в альпийских Австрии или Швейцарии. По красной стрелке компаса – Родос, горячий южный причал эллинского мира, зубчатые башни крепости рыцарей-госпитальеров, поднятой на античных черепках, Долина бабочек с четырехточечными медведками неземных красоты и расцветки; полуостров Прасониси, на мелкопесчаной оконечности которого эгейская волна целуется со средиземноморской. Вот северо-восточный форпост Балкан: дельта Дуная, великой реки, несущей воды от германского упорядоченного к славянскому безбашенному; городок Сулина с портом и блошиным рынком, где вперемешку звучит румынская, украинская, греческая речь; великолепные камышовые плавни, населенные кабанами, селедками и пеликанами. Наконец, балканский дальний восток – харчевня *Barinak* в турецкой рыбацкой деревне Румелифенери (“европейский маяк”) с видом на само рожде-

ние Босфора и на одинокий парус в голубом тумане моря. Капитальное коромысло балканской географии с плечом от Любляны до Стамбула – без малого 1500 километров: это 15 часов пути на машине, если гнать не останавливаясь, это два с четвертью часа авиаперелета, если взять билеты на прямой рейс. По сегодняшним меркам совсем небольшая площадка, на которой тысячелетиями топтались могучие империи, каждая из которых рассчитывала оставить здесь непреходящий след.

Чистильщик обуви из Скопье. Фото. 1910-е годы

Каждая оставила. Но ни одна не сохранила за собой Балканы навечно.

1

Македонија – Μακεδονία Солнце славян

*Муравию окружают четыре страны, и каждая достаточно сильна, чтобы при желании аннексировать ее. До сих пор Муравия сохраняла независимость только благодаря соперничеству между соседями, а также потому, что не имеет морских портов.
Дэшил Хэммет, “Суета вокруг короля” (1928)*

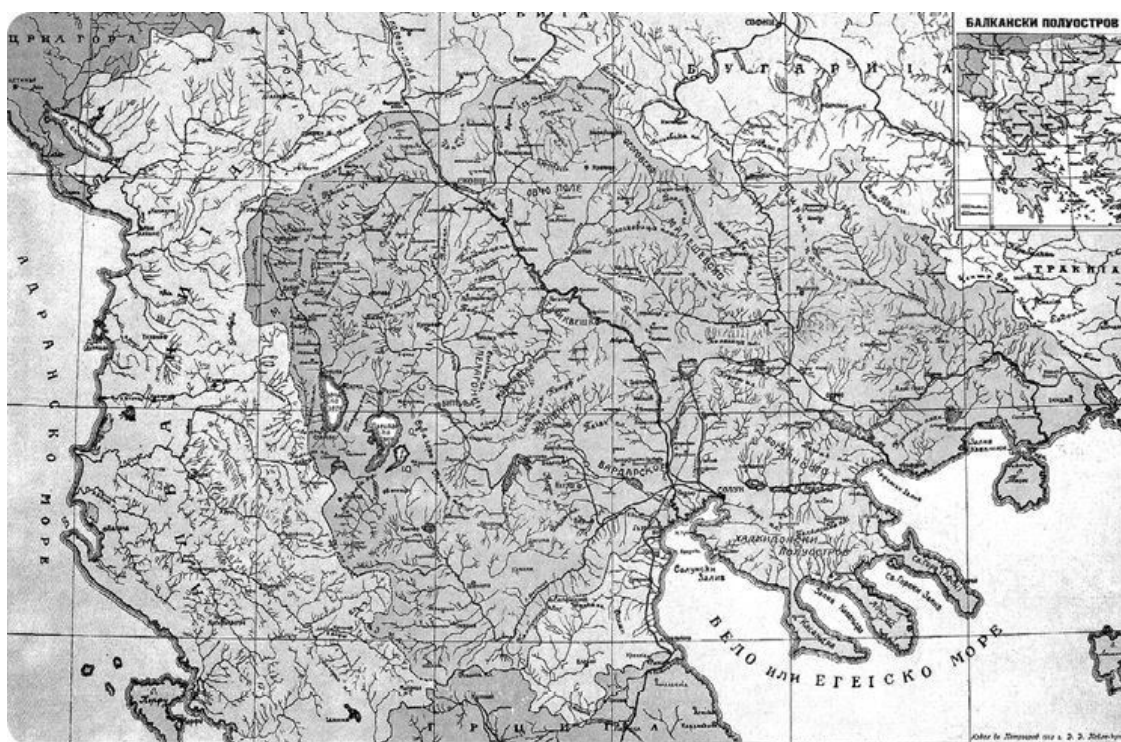
Влатко Стефановски – монстр тяжелого рока, бунтарская хардовая гитара Скопье, примерный ровесник Макаревича – Шевчука – Гребенщикова, чтобы было понятно, о чем он. Македонская “Машина времени” называется *Леб и сол*, что ожидаемо означает “Хлеб и соль”. Группа в классическом составе просуществовала два десятилетия (1976–1995), пережив даже распад Югославии, но не справившись, а это часто случается в музыкальном мире, с собственным величием. Играли, как рассказывает Влатко, по острой моде времени, преимущественно обвенчанный с балканским этно *psychedelic* и *progressive* рок, а теперь собираются время от времени на очередной “прощальный концерт” в сопровождении какого-нибудь симфонического оркестра. Среди заслуг Стефановски перед родиной – выпуск в 1990-м первого македонского компакт-диска, сета электронной музыки к балету *Zodiac* и состоявшееся годом позже выступление на митинге триумфаторов в Скопье по случаю провозглашения независимости страны. Тогда фронтмен *Леб и сол*, кумир нескольких поколений балканских меломанов, с чувством залудил на своей *Fender* национальный гимн *Денес над Македонија*.

Эта торжественная песнь написана в годы Второй мировой войны, незадолго до того, как Македония впервые обрела государственность, пусть и стала лишь республикой в составе югославской федерации. Коммунисты, кстати, первыми признали македонских славян отдельным народом – в отличие от властей Греции, называвших их славофонными греками; в отличие от властей королевской Югославии, придумавших наименование “южные сербы”; в отличие от властей Болгарии, считавших македонские земли западноболгарскими. Соответствующую резолюцию о македонской нации Коммунистический интернационал одобрил в 1934 году. “Это было важным международным признанием самобытности македонцев”, – писал главный македонский историк Блаже Ристовски. – *Но Коминтерн не создал своей волей нацию, а лишь поддержал ее борьбу*”.

Академику Ристовски, встречаясь с ним в 1999 году в Скопье, я не перечил, лишь вставлял в его речь вежливые уточнения благожелательного иностранца. Но вот в Софии и Афинах вопросы о том, сколь оправданно само существование страны под названием “Македония” и кто именно в ней живет, считают актуальными, а в Тиране пекутся о правах проживающих в Македонии албанцев. Греция почитает Александра Великого своим, и больше ничьим, сыном, а его Македонское царство – античным греческим государством, с чем не рискнет спорить ни один здравомыслящий историк. В Афинах не устают напоминать о том, что в ту пору, когда “настоящей Македонией” правил Александр, большую часть территории современной страны со спорным названием занимало пусть вассальное, но вполне отдельное Пеонское царство. В Болгарии уверены: македонское прошлое – составная часть болгарской истории; македонский язык, кодифицированный волей компартии Югославии, является диалектом болгарского, разновидностью его литературной нормы, а македонцы – ветвь могучего болгарского древа. В Сербии напоминают: самый славный правитель династии Неманичей, Душан IV Сильный, в середине XIV века правил своим славяно-греческим царством именно из Ско-

пье. Большую часть XX столетия земли Республики Македония оставались, да и сейчас формально являются, канонической территорией Сербской православной церкви, а образованную в 1967 году Македонскую православную церковь, которую поддерживает правительство страны, в христианском мире не признают.

Мой приятель Благоя (мы сидим в кафе на центральной площади Скопье), теоретизируя на национальные темы, подводит черту: “Греки не признают нашего названия, болгары не признают нашего языка, сербы не признают нашей церкви. Где искать друзей?” Такие поиски и правда весьма затруднены. В начале 1990-х, стоило Югославии развалиться, Болгария установила с новой республикой на востоке своих границ внешне равноправные, но покровительственные отношения, основанные на понимании того, что два болгарских, по сути, государства лучше одного, а македонцы о своей национальной идентичности пусть думают что хотят. Греция тут же вступила с Македонией в затяжной, почти на три десятилетия, конфликт по поводу официального названия страны и ее государственной символики. Эпизодами спора греков и славян стали торговое эмбарго, многотысячные демонстрации патриотов по обе стороны границы, препирательства в газетах и на международных конференциях. Через 27 лет непростых переговоров социалистические, оказавшиеся способными к какому-никакому диалогу правительства в Афинах и Скопье под мощным международным давлением пришли наконец к решению. Македонии пришлось выбирать между европейским будущим и историческим принципом: ЕС и НАТО поставили условием для развития сотрудничества со страной со столицей в Скопье “согласование ее имени”.

Македония. Карта Македонского общества в Москве. 1913 год

Летом 2018 года, к ярости ура-патриотов, был подписан договор, закреплявший за бывшей югославской республикой название “Северная Македония”. Греки по-прежнему называют ее граждан “скопьянцы”, термин “Македония” применительно к северным соседям в Афинах и Салониках не проскочит даже в бытовой беседе. А славяне-македонцы изменение конституции “в угоду чужому дяде” должны проглотить как горькую пилюлю. Не всем нравится лекарство: в референдуме о поддержке нового названия страны приняло участие чуть больше трети

избирателей, голосование из-за низкой явки признано несостоявшимся. Пока вопрос остается открытым, утешение ищут вот в чем: независимое македонское государство существует, и выразителем интересов этого государства стала фактически сложившаяся политическая нация.

Судьбы болгарского народа и большинства проживавших на территории Македонии славян, по мнению многих историков-объективистов (сошлюсь на фундаментальную работу чешского автора Яна Рыхлика “История Македонии”), кардинальным образом разошлись в 1878 году, когда после очередного переустройства Балкан часть Болгарии получила самостоятельность, но македонские земли почти целиком остались под властью Османов. В течение семи десятилетий XX столетия эти земли были связаны той или иной формой государственного союза с Сербией. И пусть даже возникновение четверть века назад Республики Македония во многом вызвано стечением внешних обстоятельств, это не меняет суть дела: такая страна на карте Европы теперь есть. Другой вопрос, что новое национальное сознание формируется с помощью очевидных искажений одних и передергивания других исторических фактов.

В подтверждение македонских государственных умопостроений о связях сегодняшнего дня с событиями минувшего в последние годы были вложены значительные по местным меркам финансовые средства, говорят о сумме в полмиллиарда евро. В разных городах страны появились памятники старым и новым национальным героям: и Филиппу II Македонскому, и сыну его Александру Великому, и византийскому императору Юстиниану, и правителю Западно-Болгарского царства Симеону, и десяткам борцов за славяно-македонскую свободу, и – чтобы поддержать политическую корректность – албанскому правителю Скандербегу, и святой монахине Терезе Калькуттской. В центре Скопье разбита площадь Пеллы (столица древнемакедонского царства, ныне античные руины на севере Греции), на которой воздвигнута римского образца триумфальная арка *Porta Macedonia* как символ многовековой борьбы за независимость. По соседству с ней – 28-метровый монумент “Воин-всадник”, в котором угадываются черты властелина античного мира. Статуя прекрасного как юный бог полководца поднята на колонну с декорациями из слоновой кости посередине цветомузыкального фонтана и обрамлена бронзовыми античными бойцами и вневременными львами.

ДЕТИ БАЛКАН

ЭЛЛЕН СТОУН

проповедница и пленница

Похищение Эллен Стоун. Открытка. 1902 год

В начале 1901 года Внутренняя Македонская революционная организация³ потерпела жестокое поражение. В Салониках османская жандармерия задержала македонского боевика Милана Михайлова. Не выдержав пыток, 20-летний юноша выдал имена своих товарищей-подпольщиков. Султанская охранка, получившая доступ к документации заговорщиков, провела массовые аресты: более 80 человек бросили в тюрьмы, девятых активистов ВМРО, включая Михайлова, казнили. Сеть боевых ячеек распалась, подпольный ЦК был разгромлен, существование организации оказалось под угрозой. Уцелевшие руководители ВМРО на собрании в Софии

³ Внутренняя Македонская революционная организация (ВМРО) – сеть вооруженных подпольных комитетов и групп, первоначально добивавшихся политической автономии славян в Манастирском, Одринском, Ускопском и Селаникском вилайетах Османской империи. Основана группой болгароязычных интеллектуалов в 1893 году под названием “Македонская революционная организация”. Для решения задач “революционной борьбы” использовала методы террора и экспроприации собственности. Неоднократно меняла название и структуру, пережила множество расколов и идейных кризисов из-за дискуссий о своей конечной цели (автономия в составе Османской империи; провозглашение независимого македонского государства; присоединение к Болгарии; образование Балканской федерации). После распада Османской империи сосредоточила деятельность на антисербской и антигреческой борьбе, а также на организации политических убийств болгарских “национал-предателей”. В межвоенный период боевики ВМРО, сблизившиеся и с коммунистами, и с праворадикальными движениями, совершили десятки жестоких терактов, жертвами которых, в частности, стали премьер-министр Болгарии Александр Стамболийский (1923) и король Югославии Александр I Карагеоргиевич (1934). ВМРО формально распущена в 1934 году, фактически ликвидирована в конце 1940-х. Наследниками ВМРО считают себя полтора десятка политических партий и движений в Болгарии и Македонии, в основном националистической ориентации. В обеих странах история ВМРО сильно идеологизирована.

приняли тактику захвата заложников для финансирования дальнейшей борьбы. Объектом одной из операций стала протестантская проповедница из США Эллен Мария Стоун, известная в Европейской Турции гуманитарной деятельностью. Впервые она побывала на Балканах в 1878 году, преподавала евангелистику и гигиену в женском училище городка Самоков. В конце лета 1901 года 55-летнюю мисс Стоун и ее 32-летнюю товарку, болгарскую проповедницу Катерину Стефанову-Цилку (на пятом месяце беременности), выкрали партизаны из отрядов Яне Санданского и Христо Чернопеева. В целях конспирации похитители оделись на мусульманский манер и говорили между собой по-турецки. За освобождение заложниц они потребовали выкуп золотом, угрожая в противном случае казнить пленниц. Более полугода повстанцы прятали Стоун и Цилку в горных селах. История получила широкую огласку в американской и европейской прессе; средства на освобождение заложниц в США собирали по подписке. Согласно романтической версии этой драмы, проповедницы до такой степени прониклись симпатией к своим похитителям, что присоединились к их требованиям о выплате выкупа. На той же версии – добродетельные женщины в плену у разбойников с манерами аристократов – настаивает и снятый в 1958 году на македонской киностудии «Вардар-фильм» художественный фильм «Мисс Стоун». В начале 1902 года переговоры завершились успехом: ВМРО получила выкуп (больше 100 килограммов золота), а Стоун и Цилка с новорожденной дочерью вернулись в США знаменитостями. Эллен Стоун опубликовала мемуар «Полгода среди разбойников», Катерина Цилка – воспоминания «Рожденная среди разбойников», но проповедовать на Балканы они больше не ездили. Яне Санданского считают героем антиосманской борьбы: в Скопье ему установлен конный памятник, его имя упомянуто в македонском гимне и увековечено в названии города на юго-западе Болгарии. Имя Христо Чернопеева (по болгарской инициативе) присвоено горной вершине в Антарктиде.

Футбольная сборная Македонии проводила домашние матчи на стадионе царя Филиппа, главная воздушная гавань страны, скромный аэропорт Петровец, носила имя императора Александра. Хайвей, ведущий из Скопье в Салоники, столицу греческой Македонии, тоже славил великого Александра, так полтора века назад в Австро-Венгрии железным дорогам в обязательном порядке присваивали имена членов габсбургской фамилии. Договоренности 2018 года развернули вектор перемен обратно. Автопуть переименован в шоссе Дружбы, хотя на дорожных указателях хулиганы замазали новое название или перечеркнули его краской. Аэропорт Скопье остался безымянным, а под памятниками императорам и царям появляются поясняющие таблички о том, что поставлены такие монументы сугубо в «историческом смысле». Все эти «извинительные» усилия выглядят вполне нелепо, хотя то, что делали прежде, загромождала историческую память памятниками, выглядело еще хуже.

Во исполнение задуманного в конце минувшего десятилетия проекта «2014» центр Скопье подвергся масштабным обновлениям и перестройке. Реконструируется средневековая крепость Кале, через реку Вардар переброшена дополнительная пара снабженных 57 историческими скульптурами пешеходных мостов, на набережной появились помимо прочих вычурных зданий античного вида Музей археологии и византийских пропорций Музей македонской борьбы за государственность и независимость. Правительственный комплекс, выстроенный полвека назад в стиле социалистического функционализма, обшили плитами под мрамор. Получился неоклассический фасад, с дорическими колоннами и портиком, с античными фигурами на фронтоне. На всю эту красоту взирают изваяния героев прошлого и настоящего. Памятников в центре Скопье не пять и не 25, а вот именно что 125: есть парные, есть группо-

вые, одни скульптуры стоят в рядок, другие полукругом, иные сидят в креслах, за столами или на тронах либо изображены в динамических порывах, прочие статичны. А кое-какие образуют настоящие исторические картины из бронзы.

Такого количества застывших в камне и металле человеческих фигур нет ни в Петров дворце, ни в Версале. На одной только центральной площади Скопье я насчитал дюжину самостоятельных памятников, посвященных выдающимся личностям всех эпох. Для одной, пусть даже просторной, площади это ровно на 11 памятников больше, чем нужно. Избыток патриотизма отозвался немедленной народной отрыжкой – то ли от вполне уместной иронии, то ли от дурного усердия, в равной степени возможно то и другое. В одном ресторане я встретил такой перечень фирменных блюд: “Александр Македонский” (телятина категории премиум, сыр кашкавал, солонина, шампиньоны), “Царь Самуил” (тоже телятина премиум, но с мягким сыром), “Мать Тереза” (куриный стейк в кляре). Греко-македонское политическое соглашение не обязывает вносить изменения в меню.

Один памятник в центре Скопье, и неплохой, кстати, – всадник на словно бы крылатом коне, скачущий против ветра, – напоминает о Петре Карпоше, гайдуке, поднявшем в 1689 году восстание против султанской власти. Крестьянскую армию Карпоша поначалу поддержала Австрия, но на подступах к Ускопу (так называли Скопье в османский период) бунтовщиков остановили эпидемия холеры и смерть от этой болезни габсбургского генерала-итальянца Энея Сильвио Пикколомини. Народный герой остался без союзников. Карпоша схватили и посадили на кол на Каменном мосту посередине Вардара. Смотреть именно с этой точки в быструю мутную воду реки – особенно глубокомысленное занятие.

Я помню Скопье на рубеже веков: типичный для Балкан хаотичный город, едва ли не с фундаментом отстроенный после землетрясения 1963 года, выглядел бедненько и не слишком чисто, в полном соответствии с канонами позднесоциалистической архитектуры – холодные партийные здания, безликая жилая застройка, пренебрежение к уюту пространства, увлечение брутализмом. Теперь в центральных кварталах все иначе: богато и нарядно, в том смысле, какой в богатство и роскошь вкладывают в осознавшей свою ценность провинции.

Скопье. Открытка. 1937 год

“В Стефании, столице Муравиш, я сошел с белградского поезда вскоре после полудня, – начинается свою короткую политико-детективную повесть Дэшил Хэммет. – Погода была отвратительная. Пока я выходил из железнодорожного вокзала, этого гранитного сарая, и садился в такси, холодный ветер хлестал мне в лицо ледяным дождем и капли стекали за воротник”. Под Стефанией, “столицей самой маленькой балканской страны”, вполне можно иметь в виду Скопье. Хэммет, рассказавший о смешной и трагичной балканской суете в 1928 году, на десятилетия, сам того не предполагая, предвосхитил македонскую независимость, но суть уловил точно: слабый способен выжить, учитывая интересы сильных соседей и используя их противоречия. Да и в остальном этот мастер криминальных историй, пожалуй, был прав: частному детективу из Сан-Франциско, приехавшему в балканскую тмутаракань на розыски непутевого американского аристократа, под силу устроить в такой кукольной стране госпереворот с целью превратить ее из республики в монархию.

Отличие от книжного героя, я свел первое знакомство со Скопье теплым майским вечером, прибыв в этот город на автомобиле из Софии, поскольку попасть в Македонию тогда по-иному было проблематично. Городской аэропорт (еще не принявший имя античного императора и еще не отказавшийся от него) в связи с вооруженным конфликтом НАТО и Югославии был закрыт для гражданских рейсов; международные поезда не ходили из-за наплыва беженцев из Косова и, очевидно, по высшим соображениям безопасности. “Гранитный сарай” разрушило землетрясение-63, в частично восстановленном здании разместился городской музей, некоторые его окна до сих пор заколочены, а стрелки вокзальных часов вечно указывают на тот роковой момент – 5 часов 17 минут утра, – когда спящий город сотрясли подземные толчки. Новое ж/д здание на слоновьих бетонных ногах, под которыми приткнулись автобусные стоянки, меня тоже совсем не впечатлило. Местные жители изъяснялись почти что по-болгарски, вставляя в свою речь сербские слова и охотно откликаясь на попытки чужеземца заговорить с ними на языке бывшей метрополии.

Существование нового языка подтверждено политически: 2 августа 1944 года единогласной декларацией 60 делегатов Антифашистского собрания народного освобождения Македонии. Документ приняли одновременно с заявлением о формировании македонской республики в составе федерации южнославянских народов. Не каждый язык может похвастаться такой точной датой рождения, да еще привязанной к патриотическому дню: 2 августа считается началом Илинденского восстания македонских славян против османских поработителей.

Летнее партийно-партизанское собрание, в котором помимо делегатов-македонцев приняли участие два албанца, два турка, серб, еврей, арумын⁴, а также представители македонских земель, входивших в состав Греции и Болгарии, состоялось в православном монастыре Прохора Пчиньского. Отец Прохор – лесной аскет середины XI века, знаменитый тем, что предрек царствие земное будущему императору Византии Роману IV Диогену. Легенда гласит: взойдя впоследствии на престол (особым способом, женившись на вдове предыдущего императора), Диоген отблагодарил обитавшего в пещере на горе Козьяк старца, повелев заложить в его честь храм. Предсказание отшельника не принесло императору счастья: вскоре Диоген был ослеплен политическими противниками и отправлен в изгнание.

⁴ Арумыны (влахи, цинцары) – южнобалканская этническая группа численностью, по разным данным, от 300 тысяч до 2 миллионов человек. Считаются потомками ассимилированных римлянами племен иллирийского происхождения, говорят на близком к румынскому языку романской группы. В 1917-м и 1941–1943 годах Италия, оккупировавшая северо-запад Греции, предпринимала попытки образования под своим протекторатом арумынского Пиндского княжества. Арумынское движение не едино: одни его представители, панэллины, предлагают кодифицировать исчезающий язык на основе греческого алфавита, а другие, суперромани, предпочитают латиницу.

Мне приходилось навещать построенную во славу Прохора обитель, теперь накрепко связанную в массовом сознании не только с подвигом православной святости, но и с традициями национально-освободительной борьбы. Это бедненький и очень живописный край: косо уходящая в леса и холмы тишайшая речушка Пчинья, щебет райских птичек, разноцветье полевых трав. Монастырский собор возведен в византийской традиции на руинах древнего храма; в его алтарной части покоятся мощи святого старца; в углу гробницы зияет отверстие, откуда, как уверяют, вот уже почти как тысячу лет истекает благодатное миро.

Поскольку македонскую государственность провозгласили на территории, после Второй мировой войны административно отошедшей к Сербии, посвященный Антифашистскому собранию мемориал, когда время пришло, оборудовали на бывших монастырских землях в ближайшем “своем” селе Пелинац. Коммунисты перекраивали карту Европы не смущаясь, но планы Иосипа Броза Тито расширить южнославянское государство за болгарский и греческий счет не сбылись. Так называемую пиринскую Македонию (название происходит от горного массива на юго-западе современной Болгарии) партизанский маршал планировал переподчинить себе. О “македонском” выходе к Эгейскому морю Тито еще до окончания войны договорился со Сталиным (советский вождь согласился счесть Салоники славянским городом). Однако из этого ничего не вышло, а еще полвека спустя новая Македония оказалась в окружении соседей, каждый из которых имеет к ней какие-нибудь претензии.

До монастырского съезда 1944 года македонские славяне использовали свой язык преимущественно для бытового общения. Родная речь иногда звучала в театральных постановках, применялась для выпуска прокламаций и малотиражных подпольных газет. Базой для “официальной” словесности послужили распространенные в долине Вардара центральные говоры западномакедонского диалекта – те, что посвободнее от влияния и сербского, и болгарского языков. Идеологической подкладкой лингвистической (да и национальной) конструкции стала работа македоно-болгарского филолога Крсте Мисиркова “О македонском вопросе”. В Скопье эту книжку в полторы сотни страниц считают краеугольной для толкования понятия “македонизм”, а в Софии в трактате Мисиркова находят многочисленные внутренние противоречия. Я тщательно проштудировал все пять глав, только чтобы понять: оценка этого труда и фигуры его автора зависят от национальных предпочтений. Да, в книге есть такие слова: *“Я – македонец и в интересах моей родины заявляю, что не Австро-Венгрия и Россия являются врагами Македонии, а Болгария, Греция и Сербия”*. Но найдутся в творческом наследии Мисиркова и работы, написанные с позиций радикального болгарского национализма. В конце жизни он призывал македонцев-славян признать болгарскую идентичность, принял болгарское подданство и время от времени считал самого себя болгариним. Памятники Мисиркову стоят во многих македонских городах и селах, но похоронен он, скончавшийся в 1926 году в крайней бедности, в Софии.

Ключевой фигурой послевоенной македонской лингвистической стандартизации считается Блаже Конески, универсальный ученый, просветитель эпохи нового балканского Возрождения: он и автор свода орфографии, и писатель, и поэт, и редактор литературных журналов, и президент Академии наук и искусств. Именно Конески смахнул пыль с обложки книги “О македонском вопросе”, именно ему пригодился Мисирков. Югославские коммунисты ковали быстро, пока железо было горячо: в 1945 году закрепили кодификацию языка, организовали и национальный театр, и университет с нужными кафедрами, и радиостанцию; по всей крестьянской республике открыли курсы ликвидации неграмотности. Вышел в свет толковый словарь на шесть тысяч слов; наконец, за парты сели первоклашки, для которых новомакедонское письмо стало единственно естественным. Возникла и македонская школа оперного искусства, пусть в ней и немного классов. Пионер жанра, композитор Кирил Македонски, известный и как теоретик музыкальной терапии, сочинил три опуса на историко-патриотические темы: “Гоце”, “Царь Самуил”, “Илинден”. В устном употреблении, по крайней мере в Скопье, до сих пор городское

койне и (все еще часто среди представителей старших поколений) сербский язык югославских образцов. Но важнее рассуждений злопыхателей об обилии языковых заимствований в македонском самоощущении нации, определившей себя через слово, которое она считает родным.

Треть граждан балканской республики составляют албанцы, турки, цыгане, про которых в гимне страны ни слова не поется и в конституции страны ни слова не говорится, и это придает ситуации некоторую кособокость. Разногласия между представителями двух самых многочисленных этнических общин часто составляют главное во внутривластической повестке дня. От большой албанско-славянской войны и разлома государства на переломе XX и XXI веков страна убереглась. В 2001 году жертвами столкновений на северо-западе Македонии, где в основном сосредоточена албанская община, стали 100 или 200 человек, больше 1000 получили ранения. Вооруженный конфликт погасили, албанским партизанам не удалось добиться провозглашения республики Иллирида.

Мне довелось в ту тревожную пору побывать в мусульманских кварталах Тетова, самого крупного города Македонии с преимущественно албанским населением. Физической угрозы безопасности я не чувствовал, но мир вокруг казался чужим и без всяких причин воспринимался как настороженно-враждебный. Впрочем, чтобы услышать эту ноту безнадежности, тогда вовсе не обязательно было приезжать в Македонию – ощущение чреватой стрельбой и кровью беды прекрасно передавал, скажем, снятый в 1994 году фильм режиссера Милчо Манчевского “Перед дождем”. Мораль его картины сводилась к следующему: что бы вы ни делали, как бы ни поступали, как бы ни берегли себя и своих близких, война все равно неизбежна, словно летняя гроза, просто потому что так веками устроена балканская жизнь.

ДЕТИ БАЛКАН

МАТЬ ТЕРЕЗА КАЛЬКУТТСКАЯ

святая монахиня

У знаменитой католической монахини, основательницы религиозной конгрегации “Сестры миссионерки любви”, занимающейся служением больным и бедным, вряд ли было македонское национальное сознание. Мать Тереза говорила на пяти языках, среди которых не числился македонский. Агнес Гондже Бояджиу родилась в 1910 году в Ускопе в зажиточной христианской семье косовских албанцев и жила в родном доме до 18 лет. Ее детская мечта о католическом служении в Индии исполнилась в 1929 году, когда, начав свой подвиг на Британских островах в монашеском ордене “Ирландские сестры Лорето”, она приняла постриг и под именем Тереза отправилась сначала в Дарджилинг, а затем в Калькутту (теперь Колката). Два десятилетия сестра Тереза преподавала в местной женской школе Святой Марии, а в 1950 году основала женскую конгрегацию, шефствующую над школами, приютами и больницами для бедных. Ныне “Сестры миссионерки любви” управляют сотнями домов милосердия в 120 странах мира. В 1979 году матери Терезе присудили Нобелевскую премию мира с формулировкой “За деятельность в помощь страждущему человеку”. Она скончалась в 1997 году в Индии, а в 2016-м была канонизирована. Римская курия признала: мать Тереза совершила по крайней мере два чуда, исцелив больных раком из Индии и Бразилии. Святая Тереза – кавалер наград многих стран мира, о ней сняты кинофильмы и написаны книги, в 1970-е годы она считалась одной из самых популярных женщин в мире. Сказанная ею однажды фраза – “Любви людям не хватает больше, чем хлеба” – наверняка переживет века. Тем не менее деятельность “Сестер миссионерок” вызывала не только восторженные отклики. Утверждалось, например, что лишь малая часть

пожертвований использовалась монахинями на цели благотворительности. Мать Терезу критиковали за слишком строгий уход за больными и плохие условия содержания пациентов в хосписах и лепрозориях, за догматичные взгляды на жизнь и веру – она активно выступала против абортот, разводов и контрацепции, проповедовала “культ страдания”, называя свои хосписы и приюты домами для мертвых. “Мать Тереза была не другом бедных, а другом бедности”, – указывал один из ее критиков. Семья Бояджиу покинула Македонию в 1934 году, дом в центре Скопье не сохранился, в 2009-м на его месте на индийские деньги построили мемориальный центр и поставили памятник святой Терезе. На своей родине после отъезда в Азию она побывала только один раз, в 1990 году. В Албании, Косове и Македонии Агнес Бояджиу считают национальной героиней.

И вот прошло полтора десятка мирных лет, и я снова в Скопье. На выезде из автовокзала разбитой таксист Марьян доверительно сообщил, что отель, в котором я решил остановиться, “албанский, но честный”. Тут только я сообразил, что снял жилье рядом с кварталом Старая Чаршия, громадным рынком под стенами Кале, равный которому на Балканах есть только еще в Стамбуле. Из окна гостиничного номера открывался вид и на базар, и на крепость, и на минареты, и на перекресток двух больших дорог, бульвара революционера Гоце Делчева (это про него македонская опера) и проспекта царя Филиппа II. И на гору Водно, с вершины которой надзирает за городом почти 70-метрового размера стальной Крест Тысячелетия. Этот мемориал соорудили в 2002 году по случаю двухтысячелетнего юбилея прихода в Македонию христианства. К выбору такой громкой даты можно относиться с сомнением. Из святых книг известно, что первое миссионерское путешествие апостола Павла случилось в 50-м или 51 году, но предположим, что в Скопье решили подготовиться к юбилею заблаговременно, за полвека.

Я спустился пообедать в харчевню с итальянским названием и итальянской музыкой. Меню, понятно, оказалось с южняцким акцентом; вокруг беседовали по-албански; за столиками сидели полтора десятка посетителей, только мужчины, в большинстве своем в просторных спортивных штанах, по-видимому, местные реальные пацаны. Вокруг ни одного представителя титульной нации, кроме бронзового конного партизана через дорогу, – и это не случайно, конечно. Вовсе не потому, что македонцу в таком заведении опасно или его могут обхамить, просто чужие сюда не ходят, это не принято. Меня вкусно и дешево накормили; немолодой гостеприимный официант охотно говорил по-сербски.

Албанцы селятся в Скопье севернее Вардара, славяне-македонцы обосновались на южном берегу реки, и призыв муэдзина к вечернему намазу заглушает бодрая музыка фестивалю вина и песни *Вино-Скоп*. Сограждане двух национальностей и двух религий сосуществуют, как вода и масло: не конфликтуют, но и не смешиваются. Старая Чаршия выглядит так, как и должен выглядеть квартал почтенного исламского города: фонтаны-чесмы, мечети-минареты, мастерские обувщиков и чеканщиков, свадебные салоны с блестящими нарядами невероятных фасонов, кондитерские и брадобрейни с пышными названиями (берберница *Холивуд*, слаткарница *Вавилон*), и над этим витают запахи крепкого табака и прогорклого масла. У скопийской чаршии три спиритуальных центра: отлично отремонтированная мечеть Мустафа-паши постройки XV века, пятизвездочный *resort & spa* с албанской фамилией *Bushi* и тот самый памятник Скандербегу, задвинутый за новостройку бара *Old City*. К крупу княжеского жеребца прикреплен албанский флаг. Рядом упражняется с мячом той же расцветки – красный в черных албанских орлах – юный смуглый футболист.

Естественно, не все и не всегда здесь упирается в славянско-албанские нестыковки. Мой знакомый из Скопье Энвер – не славянин и не албанец, а македонский турок – переназвался на чужой манер, Эмилом, потому что родители его белобрысой девушки и слышать не хотели о басурманском зяте. Одно лето Энвер проводит в Турции, другое – в Швеции, говорит, что в

обеих странах у него примерно поровну родственников. Утверждает: и на север Европы, и на ее крайний юго-восток он может уехать хоть завтра, нанявшись, к примеру, разнорабочим, да любовь не пускает. Однако на вопрос, кем он себя считает, Энвер отвечает так же, как ответили бы и Александр Великий, и его учитель Аристотель, и, очевидно, монахи Кирилл и Мефодий, – македонцем. Кем же еще?

Вид на крепость Кале в Скопье. Открытка. 1930-е годы. Государственный архив Республики Македония

Вид на крепость Кале в Скопье. Открытка. 1930-е годы. Государственный архив Республики Македония

Такой вот непростой процесс формирования национальной идентичности характерен не только для Балкан, но именно для Балкан этот процесс особенно типичен. Есть такой классик балканской живописи, экспрессионист парижской выучки Николаче Мартин. После Первой Балканской войны⁵ в его родной город Крушево посередине Европейской Турции пришла сербская власть, и десятилетний арумынский мальчик сделался Николой Мартиновичем. Когда через три года Крушево взяла под контроль болгарская армия, тот же паренек стал Николаем Мартиновым, а в конце Второй мировой превратился в Николу Мартиноски. Македонская независимость закатала художника в бронзу: проект “Скопье-2014” возвеличил человека с тремя лишними фамилиями скульптурой в ряду памятников на парапете моста Искусств через Вардар.

Мартин-Мартиноски, на мой вкус, отличный мастер, точного чувства меры и спелого цвета; автор прямо-таки выстраданной галереи портретов цыганских мадонн, одна – с розой, другая – с младенцем, третья – в кокетливой фате, четвертая – с чашкой кофе. Лучшую картину своей жизни – и так бывает – этот художник создал на склоне лет, предварительно выполнив несколько выглядящих как самостоятельные работы эскизов. Портрет кормящей ребенка цыганской матери с печальными глазами лани на македонском называется коротко и емко –

⁵ Первая Балканская война (осень 1912 – весна 1913) – вооруженный конфликт стран Балканского союза против Османской империи. Причиной войны послужило стремление Болгарии, Греции, Сербии и Черногории к расширению границ. Еще в ходе конфликта была провозглашена независимость Албании, по итогам войны территория нынешнего Косова и северо-восточные области исторической области Македония вошли в состав Сербии, Греция получила Салоники и прилегающие к городу земли, Болгария – выход к Эгейскому морю. Неразрешенные противоречия привели летом 1913 года к скоротечной Второй Балканской войне, во время которой Болгария выступала против своих прежних союзников, Османской империи, а также Румынии.

Доилка, а на русский приходится подбирать долгий перевод, как-то одним словом и не скажешь.

Крушевский дом-музей – не только дань признания таланту живописца, но и способ утверждения народной мечты о собственных культуре, искусстве, жизни, никому ни в чем не уступающих. Македонских по форме и европейских по содержанию. Я спросил хозяйку музея, представительную даму с девчачьим именем Сашка, правдива ли история о четырех фамилиях художника. Она кивнула, но от разговора на деликатную тему уклонилась. В конце концов, Мартиноски гордился идеями македонизма, в годы Второй мировой партизанил, социалистическую власть принял безоговорочно (хотя, очевидно, понимал ее пределы) и подписывал свои полотна именно той фамилией, которую присудила ему эпоха.

Крушево – самый высокогорный, 1250 метров над уровнем моря, город Балканского полуострова и, не побоюсь этого определения, образцово сонное балканское местечко. Это строго вертикальный населенный пункт, дома лепятся один к другому снизу вверх и сверху вниз, спускаются с кручи уступами или на кручу уступами поднимаются. Рокер Влатко Стефановски посвятил Крушеву свой самый концептуальный аудиоальбом, записанный в паре с другим талантливым музыкантом, Мирославом Тадичем. Дуэт двух акустических гитар, виртуозные аранжировки народных мелодий, прозвучал в гулкой пустоте каменного пантеона *Македонцизм*, гробницы героев Илинденского восстания – как раз того, что было поднято революционерами-террористами в начале августа 1903 года. Несколько сотен бойцов ВМРО, в основном мальчишки 16–17 лет, в ночь на святого Илию взяли под контроль османскую казарму, почтово-телеграфную станцию, административные здания безмятежного селения и почти две недели вершили в Крушеве власть, для чего сформировали подобие органов демократического управления.

Возможно даже, что это была первая со времен греческих полисов республика в центре Балкан, причем почти что настоящая: с выборным Советом, в который вошли по 20 представителей славянской, греческой и арумынской общин, с Временным революционным правительством из шести делегатов, с судьями и народной милицией. Командир повстанцев и “председатель” Крушевской республики 25-летний социалист Никола Карев сочинил патриотический манифест, призывая мусульман присоединиться к строительству новой общей жизни. Но если у местных дехкан были такие намерения, то они остались неосуществленными, потому что из Манастира (сейчас Битола) вскоре подоспели отряды башибузуков и регулярные армейские подразделения под командованием Бахтияра-паши. На битву с неприятелем у Медвежьего камня отважились четыре неполные партизанские сотни во главе с арумынским воеводой Питу Гули, остальные повстанцы решили Крушево не защищать. Битву правильнее называть стычкой, но с этим категорически спорят школьные учебники: освободительная борьба не приемлет малых форм.

Никола Карев. До 1905 года. Фото из альбома-альманаха “Македония” (1931 год)

Отряд участников Илинденского восстания. Фото. 1903 год

Османская армия, “зачистив” *Мечкин камен*, сожгла Крушево. Беспорядки в балканских вилайетах были подавлены к концу осени. Каждый получил свое: Бахтияр-паша – орден с бриллиантовыми подвесками от султана, Питу Гули и Никола Карев – пули от аскеров. Зато реминисценции об османском карателе теперь стерты из народной памяти, а его противники многократно прославлены скульпторами и поэтами. В Крушеве, как и в Скопье, о Гули и Кареве скорбят и бронза, и мрамор, и гранит: прах “председателя” краткосрочной республики помещен как раз под своды пантеона *Македониум*.

Этот возведенный в социалистический период пафосный монумент давно нуждается в ремонте и, по моим впечатлениям, обделен вниманием посетителей. У могилы Николы Карева – свежий венок с надписью “От членов семьи”, которые, оказывается, живут неподалеку в скромном желтеньком домике с мемориальной табличкой у входа. Запустение мавзолея *Македониум* контрастирует с блеском мемориала погибшего в 2007 году в автокатастрофе поп-певца Тодора (Тоше) Проески, еще одного славного сына Крушева. Его погребальный музей выполнен в виде наклоненного полупрозрачного креста-здания, в которыйходишь как бы с основания ствола. Кому-то такое соседство покажется легкомысленным, но македонцы приравнивали эстрадный голос к штыку революционера: у молодых наций свой счет героев. К моменту смерти Карев и Проески были почти ровесниками – верткий жгучий брюнет, “золотой соловей” новой Македонии тоже не дожил даже до возраста Джима Моррисона и Курта Кобейна.

Монумент “Македониум” в Крушеве. Фото Мариана Петковски

Из Крушева – предки моего македонского коллеги Зорана. Рассказывая о своем дедушке, священнике из арумынской семьи, Зоран, ладный парень с поднятыми гребнем волосами, слегка расчувствовался – снял с пальца золотой перстень с рубиновым камнем и продемонстрировал мне. На камне изящно вырезан профиль Александра Македонского. “Этот перстень в нашей семье дед передает старшему внуку, – пояснил Зоран, – а изготовлен он в Солуне⁶ еще при турках славянским ювелиром, который считался лучшим в городе”. Перехватив мой взгляд, Зоран покачал головой: “Да нет, ко всем этим памятникам императору Александру я, конечно же, отношусь с иронией. Но поверь мне, в Македонии никому не нужно объяснять, что это такое – чувствовать себя македонцем”.

Македония (я имею в виду всю историческую область) – край особой, как модно ныне говорить, духовности, явной и потаенной православной святости. Здесь, как считается, возникли первые в славянском мире христианские секты. Веру Христову местные славяне приняли на столетие с четвертью раньше, чем воцерковилась, например, Киевская Русь. Здесь, а не где-нибудь еще образовалось крупнейшее в мире средоточие православного затворничества. Самоуправление автономного монашеского государства Святой горы введено еще до Великой схизмы и бесперебойно действует при всех режимах внутри Византии, Османской империи, Греции с 972 года.

⁶ Солун – южнославянское название Салоник. В греко-византийский период город назывался Фессалоники, в османский – Селаник.

Гостивар. Открытка. 1935 год. Государственный архив Республики Македония

В Македонии, на берегу Охридского озера, по заветам болгарских царей Бориса I и Симеона I развивалась книжная школа, где велась настойчивая подготовка младославянских, а не старогреческих духовных кадров. Эта школа монахов воспитала не менее 3,5 тысячи учеников, переводивших священные тексты на старославянский язык и копировавших их глаголическим и кириллическим письмом. Выстроенное по византийскому лекалу и доведенное до образцового формата малой империи болгарское царство стало моделью для всех средневековых православных государств, в том числе и для Великого княжества Московского. На переломе X и XI столетий царь Самуил обустроил в Охриде свою столицу – Самуилова крепость и по сей час красуется на холме, – что позволило современным историкам из Скопье прийти к спорному, как полагают ученые из других стран, выводу о македонском характере этого государства, покоренного в конце концов Византией. Останки Самуила находятся в Салониках, в лаборатории профессора Мацупулоса. Греки не торопятся возвращать мощи царя в его бывшие владения, хотят обменять на древние рукописи.

Знаменитые отцы – просветители варваров монахи Кирилл и Мефодий (учителя тех, кто учил в Охридской школе) родом из Македонии. Вопреки распространенному представлению направленные в 863 году василевсом Михаилом III и патриархом Фотием индуцировать славянским язычникам истинную веру братья разработали не кириллицу, а другую, более раннюю азбуку, глаголицу. Самые древние глаголические памятники (Киевские листки, Зографское Евангелие, сборник Клоца, Башчанская плита), где бы они ни хранились теперь, балканского происхождения. А кириллица, основанная на торжественной греческой каллиграфии, собственно, и названа ее разработчиком Климентом Охридским (“епископом славянского языка”) и его подручным Наумом Охридским в память о Кирилле Философе. Обе азбуки зафиксировали литературный язык, основанный на диалекте славян, проживавших в IX веке в окрестностях города, известного им как Солунь. Отсюда и пошли все наши буквы. При этом представители западной Церкви настаивали на том, что есть только три священных языка – арамейский, греческий и латынь, поскольку именно они использовались в надписи на кресте, на котором распяли Иисуса. Но Кирилл и Мефодий были убедительны в проповеди нового равенства: “Не идет ли дождь от Бога ровно для всех, не сияет ли для всех солнце?”

Ученые спорят, какой именно крови были “учителя словенские”, греческой или славянской, но не вызывает сомнений, что Мефодий и Кирилл – не в смысле национальной принадлежности, а в смысле ощущения малой географической родины – оставались македонцами. Братья росли в многодетной семье кавалерийского офицера из свиты управителя фемы Фессалоники, причем один будущий святой родился самым старшим из семи сыновей, а другой – самым младшим. С их большой родиной тоже все ясно: Византией в пору рождения Мефодия (в миру Михаил) управлял император Лев V Армянин из династии Никифора, а в пору рождения Кирилла (в миру и почти до смерти Константин) – свергший Армянина император Михаил II Травл (Шепелявый) из Аморийской династии.

Посередине каждого, даже небольшого, населенного пункта новой Македонии на здоровенной типовой мачте колышется государственный флаг – полотнище размерами 10 × 5 метров, не меньше. В Охриде, главном центре местного курортного туризма, красное знамя с желтым солнцем развернуто над набережной, рядом с читающими святыне книги бронзовыми Кириллом и Мефодием и продавцами каштанов и леденцов на палочках. Прогулочные кораблики увозят отсюда желающих в голубую даль – к монастырю Святого Наума или на пикник со свежесловленной жареной форелью, а провожают их от пирса разевшиеся на дармовых булках гуси и лебеди. Охридское озеро – холодный прозрачный бассейн, каприз балканских гор, спрятавших пригоршню пресной воды в своих каменных ладонях. Это озеро самое глубокое на Балканах, под 300 метров, Македония делит его берега с Албанией и считает еще и самым старым в Европе. Мусульманский глобтроттер Эвлия Челеби, совершивший в Охрид летний тур три с половиной столетия назад во время своего путешествия по Османской империи, насчитал в городе 365 христианских храмов, по одному на каждый Божий день. Автор десяти томов путевой прозы, Челеби написал такое, очевидно, в публицистическом порыве, но и теперь в Охриде найдется пусть не сотня, но много – два или три десятка – православных храмов, преимущественно небольших и уютных. За сентябрьский погожий денек я навестил все святыне адреса, которые только смог обнаружить: и торжественную Святую Софию, и возвышающийся на прибрежном утесе Канео храм Святого Иоанна Богослова, и приткнувшуюся под тем же утесом церковку Малой Богоматери, и новообетенную, в смысле заново отстроенную, обитель Святых Климента и Пантелеимона на горе Плаошник, и Святого Димитрия, и Святого Николу, и церковь Святых Константина и Елены, и Святую Богородицу у больницы, и Святую Богородицу в Каменско.

Охрид. Открытка. 1930-е годы. Государственный архив Республики Македония

БАЛКАНСКИЕ ИСТОРИИ КАК РИМЛЯНЕ СТРОИЛИ ДОРОГИ

Протяженность дорожной сети Римской империи периода ее расцвета составляла от 80 до 300 тысяч километров, смотря как считать. Это немало и по сегодняшним меркам: например, сеть автомобильных дорог общего пользования второй по размерам европейской страны, Украины, насчитывает примерно 175 тысяч километров. Протяженность мощенных камнем близ населенных пунктов, а на прочих участках утрамбованных песком, гравием или грунтом античных транспортных путей измерялась в римских милях, а одна римская миля – это 1000 двойных шагов, по-современному 1,48 километра. Среди важных римских трасс числилась и трансбалканская *Via Egnatia*, проложенная во времена античной республики. Как и все прочие общественные дороги, она строилась на государственные деньги и на землях, принадлежавших государству, увековечив имя своего первого и главного прораба, проконсула Македонии Гнея Эгнация. Старательный чиновник приступил к реализации проекта в 146 или 145 году до нашей эры, вскоре после завоевания римлянами Греции, и за 18 лет своего проконсулата сдал в эксплуатацию 400-километровый отрезок от Диррахия (ныне Дуррес в Албании) до Фессалоник. *Via Egnatia* – 746 римских миль (1120 километров) – вела через Гераклею Линкестис (нынешняя Битола), древнюю македонскую столицу Пеллу, Амфиполь и Траянополь на побережье Эгейского моря, пересекала весь Балканский полуостров и выводила к Мраморному морю. Чтобы добраться до Рима, в Диррахии следовало погрузиться на корабль, пересечь Адриатику в направлении на Бриндизий и далее следовать строго на север порядка 550 километров по Аппиевой дороге. С мировоззренческой точки зрения самый важный путник *Via Egnatia* – апостол Павел: пережив опыт встречи с воскресшим Иисусом Христом, он отправился по этой трассе в миссионерский поход на вечно тревожный Запад. Главный источник наших знаний о *Via Egnatia* – фрагменты

“Географии” старшего современника Христа Страбона. Ученый подтверждает: римляне содержали шестиметровое дорожное полотно в хорошем состоянии. Последний крупный имперский ремонт, указывают более поздние авторы, был предпринят накануне войны Траяна с Парфией, в 113 году. Когда возвысился Константинополь, важность западно-восточного маршрута по Балканам стала еще более очевидной. Целое тысячелетие *Via Egnatia* оставалась инфраструктурным стержнем сухопутной торговли Византийской империи и ее латинских соседей, а затем проводником османских экспедиций. Участки этого древнего военно-торгового пути, на седые камни которого доводилось ступать и мне, уцелели на территории Албании, Греции, Македонии и Турции. Старую римскую трассу в общем повторяет современная автострада Эгнатия (670 километров по Греции), маркированная как участок европейского маршрута E90. От Салоник до реки Эвр (Марица) – километров, наверное, 350 – две дороги идут параллельно. В Салониках путь *Via Egnatia* дублирует проложенный через центральные кварталы проспект Εγνατία. Это шумная, не больно-то широкая улица, так или иначе связывающая друг с другом большинство городских достопримечательностей. Еще одну стратегически важную, прежде всего для ратных походов, античную магистраль проложили на Балканах в 29–61 годах, при императоре Нероне. Эта *Via Militaris* начиналась в Сингидунуме (теперь Белград) и вела на юго-запад через Наис (Ниш), Сердику (София), Филиппополь (Пловдив) и Адрианополь (Эдирне) до Византия.

Вывод таков: к Богу сподручнее взывать, когда на тебя не давят бетонные глыбы многоэтажек, вдали от больших городов. Праздная толпа в пляжных шлепанцах не обязана все это чувствовать, но, наверное, почти каждый, кто на озерный берег явился, свечку к киоту все-таки поставит. А на македонских прихожан охридская православная дуга действует эффективно: в бесснежный в этих краях зимний праздник Крещения в городе ежегодно проходит массовое религиозное омовение, превращающее глубокое озеро в коллективную купель. Участвуют тысячи.

Самые ценные иконы из охридских храмов, общим числом 42 единицы, выставлены в галерее при подворье архиепископа. Вообще объекты православной недвижимости здесь активно строятся и реставрируются: монастырь Святого Климента, например, прирастает роскошным гостевым комплексом для паломников. Чтобы увидеть охридское собрание икон, как сказано, “сообщающее нам свою божественную милость”, я, собственно, к горному озеру и ехал. И не разочаровался, потому что мало где еще жизнь небесная предстает перед глазами живущих на тверди земной в таких занимательных иллюстрациях. В выставочном зале есть и вознесение оседлавшего огненную колесницу святого Илии, и сошествие Иисуса Христа в ад, и мученичество святого Иакова Персиянина (ему отреза2ли по одному пальцы на руках и ногах, а он лишь возносил молитвы), и введение Богородицы во храм, и житие святого Николая, и картины из жития святой девы Марины Антиохийской, на одной из которых она разбивает медным молотом череп искушающему ее диаволу. Эти-то картины и впечатлили меня более всего остального, но только я изловчился вопреки правилам сделать фотографию, как в зале – не иначе знаменем Божиим – погас свет. Мне доводилось уже бывать в Охриде прежде, но тогда я заглянул в город всего на несколько часов, в перерыве между интервью с беженцами из Косова и беседами с македонскими политиками на злобу тогдашнего дня, и этой вдохновляющей экспозиции не видел.

“Святая Марина убивает дьявола”. Ок. 1711 года. Галерея икон, Охрид

Храм Святого Клементя в Охриде. Открытка. 1930-е. Государственный архив Республики Македония

Ранним утром в компании двух веселых бродячих собак, одна из которых была, бедняжка, трехногий, я совершил энергичную спортивную пробежку вдоль набережной Маршала Тито в направлении на восток, солнцу навстречу. Солнце Македонии медленно поднималось из-за прибрежных холмов, добавляя прозрачной воде красок. Балканское озеро Гарда, подумал я, такой же вечный покой, пусть здесь очевидно бедно и довольно грязно. В этом далеком краю, куда даже не идут поезда, чашка кофе не может стоять в пересчете дорожке 20 евроцентов, а *Застава* югославского или *Lada* советского производства до сих пор считаются уважаемым автотранспортом. Нехватка роскоши компенсируется в Охриде дешевизной, оценить которую, правда, способны лишь иностранцы, потому что большинство македонцев живут бедно и трудно. Чужестранцев здесь немного, зато все разные: польская пара, гуляющая вдоль воды с початой бутылкой розового вина, бравые сербские байкеры, воспринимающие македонский берег как свой собственный, голенастые голландцы, обязательные пенсионеры из Германии, без которых и курорт не курорт.

Охрид. Храм Святого Иоанна Канео. Фото автора

Озерные красоты Охрида использовал в качестве кулисы для своей кинодрамы хорватский режиссер Райко Грлич, в 2006 году успешно осуществивший первый после распада федерации общегославский культурный проект. В работе над фильмом “Погранзастава” приняли участие все без исключения республики бывшей большой страны – через считанные годы после жестоких войн, и в этой новой творческой дружбе, проступившей сквозь ненависть, кроется еще один балканский парадокс. Снятая без особых сантиментов гротескная лента посвящена финальному периоду бытования югославской армии – одного из главных, если не главного института, державшего державу маршала Тито единой. Многонациональный взвод несет службу на заставе, охраняющей границу с Албанией, и параноидальным командирам все мерещится атака коварного, но не существующего даже в их воображении врага. Начинается это кино с уморительных по балканским меркам шуток, а заканчивается черной трагедией: солдатики перестреляли друг друга, погибла и главная красавица, жена вечно пьяного лейтенанта Пашича Мирьяна, изменившая ему с симпатичным рядовым родом из Далмации. Понятно, что сюжет фильма однозначно прочитывается как метафора смерти в корчах не имеющей будущего страны, идеология которой пропитана цинизмом и ложью. Наверное, люди, считавшие себя югославами, отдавали себе в этом отчет и в 1980-е годы, когда Югославия еще благополучно существовала?

Мое пребывание в Македонии оказалось поделено между сиюминутными впечатлениями от того, что я видел вокруг себя, и размышлениями о причинах, по которым славянский православный мир – назову эту группу стран так – оказался через тысячу лет после своего оформления именно таким, каким оказался. Русь есть калька Болгарии, которая сама есть калька Византии, – примерно так работал исторический 3D-принтер. В монографии “Балканы от Кон-

стантинополя до коммунизма” Деннис Хупчик обидно для нынешних кремлевских патриотов рассказывает об обстоятельствах заключения в 988 году византийско-русского союза, столетия спустя приведшего к тому, что на смену Второму Риму явился еще и Третий: *“Разгромленный болгарами и осажденный мятежными военачальниками император Василий II заключил альянс с князем Владимиром, в результате чего Киевская Русь стала христианской, а в Константинополе появилась дружина русских наемников. Василий получил возможность удержаться на троне, а Владимир получил ‘под ключ’ созданную в Болгарии столетием ранее православную кириллическую культуру, превратившую его примитивное государство в цивилизованное общество”*. Русский (варяжский) корпус, 6 тысяч гвардейцев императора, воевал в составе византийской армии по крайней мере до начала XI века. В 1014 году Василий с помощью друзей-славян нанес жесточайшее поражение другим славянам – вот этим, охридским, – за что получил прозвище Болгаробойца.

Вместе с глаголицей и кириллицей Византия передала балканским и восточным славянам свою форму отношений Церкви и государства, известную политической науке как цезаропапизм. Это такие отношения, при которых светский правитель выступает и в роли главы Церкви, единственного представителя Бога на земле. Такое обстоятельство и самим императором, и священниками, и верноподданными воспринимается как гармоничная “симфония власти”. Император Иоанн I Цимисхий писал на этот счет: “Я признаю две власти в этой жизни – священство и царство”. Он наверняка руководствовался похвальными убеждениями: василевс, дирижер и первая скрипка симфонического оркестра, тоже должен подчиняться законам, несмотря на то что сам создает их, – именно в этом и заключена правильная практика хорошего правителя. Но кто из правителей такой практике следовал? В Западной и Северной Европе постепенная десакрализация политической власти привела к смене картины мира: в центр ее поставлены человек и идея свободы личности. Однако некоторые страны с укоренившейся православной традицией так и не смогли образовать институты, создающие противовес всевластию государства. Политический лидер в схеме “всякая власть от Бога; где власть, там и сила” воспринимается не как исполнитель народной воли, а как отец-благодетель, носитель высшей справедливости.

Добравшиеся до Балкан славянские племена, конечно, даже и не подозревали о том, какое искушение их ждет. К середине VII века варвары проникли так далеко на юг полуострова, что почти целиком освоили территорию нынешней Греции, дотянувшись до Аттики и Пелопоннеса. Чтобы восстановить греческое присутствие на землях Эллады и нейтрализовать враждебное присутствие, Византийской империи пришлось проводить новую колонизацию. Славянам и их союзникам булгарам не удалось взять Фессалоники, хотя они осаждали эту крепость не раз, особенно настойчиво в 676–678 годах. Пришельцы с севера, выходявшие на берега Эгейского моря то с мечом, то с плугом, в итоге осели в основном по окрестным деревням, где и развивали свой помаленьку терявший общеславянский характер говор. *“Как старый Рим в свое время христианизировал и латинизировал племена варваров на западе, – это цитата из книги Джудит Херрин ‘Византия. Удивительная жизнь средневековой империи’, — так и Рим новый, с его греческой культурой, торговлей, правом и богатством, постепенно поглотил многочисленные дикие племена”*. Фессалоники (главный город Македонии – еще и потому, что портовый) всегда оставались разноязыкими и многонародными, какому бы государству ни принадлежали.

Читаем в путеводителе: основанный македонским царем Кассандром в 315 году до нашей эры и названный им в честь жены, сестры Александра Македонского, полис “в общих чертах сохранял эллинистический характер” до османского завоевания в середине XV столетия. В средневековую эпоху Фессалоники превратились в 200-тысячный мегаполис, во второй по блеску и значению город Византии, для многих – вторую столицу империи. Османские хозяева, освоившись на Балканах, перенаправили сюда поток бежавших из Испании евреев-сефар-

дов, греческая элита отурчилась, пережив психологический упадок, многие приняли ислам. В начале XX века, накануне возвращения под эллинское знамя, Селаник говорил прежде всего не по-турецки, не по-гречески, не по-болгарски, а на языке ладино. Этот еврейский язык убила Вторая мировая война, и матерью Израиля город уже не называют.

Паскаль Себа. Уважаемые люди из Селаника. Фото. 1873 год

Паскаль Себа. Прекрасные дамы из Прилепа. Фото. 1873 год

Салоники – тесный южный город со слишком высокими домами и слишком узкими улицами, по которым сквозь бесконечные потоки машин продираются фырчащие мотороллеры. Город по западноевропейским стандартам не слишком-то и роскошный, но веселый – в том смысле, который вкладывают в вынужденное ничегонеделание безработица и беспрестанный кризис экономики. Кажется, местные жители умудряются обходиться бокалом смолистого вина рецина, которое в Салониках продают, как пиво, в зеленых пузатых поллитровках, да лепешками с сыром.

Город вовсе не производит впечатления труженика, местные безработные не выглядят отчаявшимися людьми: если они не обсуждают футбол или политические проблемы за рюмкой кофе, то играют в нарды или карты, а то и просто поют и танцуют на улицах. Вскоре выяснилось, что удивляюсь этому не я один. В рекламном журнале наткнулся на интервью с мэром Салоник, который здесь родился и вырос, а теперь вот превращает город в одну из столиц международного туризма. На вопрос, есть ли что-то, удивляющее на малой родине его самого, мэр как раз и ответил: “Энергетика, позволяющая людям, у которых полно неприятностей, выходить на набережную и танцевать без видимой причины”. Выходит, правы были хиппи и битники: чтобы стать – или почувствовать себя – счастливым, нужно “просто играть рок-н-ролл”?

ООН присудила Салоникам звание самого стильного европейского города средней величины, не знаю, кто выдумывает такие номинации. Кое у каких районов и впрямь обнаруживается стиль – приморский, ленивый и по-балкански панибратский. Тут есть элегантная,

вывернутая горлышком винной бутылки к набережной площадь Аристотеля с причитающимся античному мудрецу памятником и нарядным, уходящим от моря прочь бульваром в пальмах. По этому бульвару прохаживаются, здесь завязывают знакомства и играют “на шляпу” на аккордеоне, в том числе “Калинку”. Есть превращенный в тинейджерский хаб морской причал, который наверняка захотел бы стать московской “АРТСтрелкой”, если бы знал, что такое городское пространство существовало. Есть симпатичный, уцелевший от исторических передряг квартал Лададика, когда-то сплошь состоявший из складов и лабазов, а теперь сплошь состоящий из разнообразных декадентских кабаков.

Как раз тут находит подтверждение подмеченное городским головой правило: удовольствие – если не самоё счастье – достижимо в нарочитом не-соревновании с Парижем и Миланом, без попыток следовать чужой культурной моде. На Балканах такое умение называют искусством ничегонеделания. Нам некуда спешить, нам не нужно ничего немедленно и радикально реформировать, прогресс должен быть умеренным и совершаться согласно закону неторопливости. Время нужно проводить так, чтобы суметь почувствовать, как медленно оно проходит. Будущее бессмысленно строить, потому что оно все равно рано или поздно наступит само. Этот закон гедонизма – известный на Балканах всем и каждому – я в очередной раз сформулировал за столиком бара *Alma Viva*, в котором, кроме меня и флегматичной официантки, вопреки названию, не было ни одной живой души. Все души клубились по соседству, в дансинге *Ghetto*, обещавшем жаркий танцпол в любое время года.

Античная и византийская история в Салониках спущена на несколько метров под асфальт: темно-краснокаменные храмы с шлемообразными головами стоят в окружении ребрастых семиэтажек. Фундаменты храмов расположены там, где 800 или 1000 лет назад размещались улицы, то есть 10–15 культурными слоями ниже. К Богу поэтому часто идешь как в яму. Свечи во здравие, например, я ставил в храме Святой Софии постройки VIII века – аналоге константинопольской Айя-Софии – и выбирался оттуда в современность по лестнице с дюжиной ступеней.

Этот город правильно, фронтально развернут к заливу Термаикос. Салоники насквозь продувает эгейский ветерок, за что местные жители должны быть благодарны османским оккупантам, полтора столетия назад свалившим приморскую часть периметра византийских крепостных стен. А иначе парились бы в древнем каменном поясе, как изнывают от вечного зноя, скажем, так и не избавившиеся от средневековых укреплений Родос, Дубровник или Котор. Северный и отчасти западный фортификационные контуры в Салониках уцелели, и, чтобы поглазеть на десятиметровой толщины стены, нужно отправляться в район Ано-Поли, в крутую горку.

Я и отправился. Главная фортификационная достопримечательность Салоник – крепость Гептапигрион, она же Едикуле, она же Семибашенная (как в Константинополе/Стамбуле), хотя башен у нее на самом деле десять. В этих башнях при разных режимах последних столетий размещалась тюрьма, и традиция прервалась лишь четверть века назад. С той поры Гептапигрион бесконечно реставрируют, но провололочные заборы тюремного вида так никуда и не делись. Сквозь бойницы крепостных стен открывается романтическая *vista* на неторопливо спускающийся к морю город. Мои греческие друзья рассказывают, что темница Едикуле, хоть она уже и не существует, жива в качестве элемента городского фольклора, поскольку упоминается в блатных песнях жанра ребетика, настоянных на воровском аргю. Гептапигрион, выходит, своего рода местный Владимирский централ.

Исторический процесс протяженностью в 2500 лет в греческой Македонии предстает как естественная цепь перетекающих одно в другое старо- и новогреческих событий. В сувенирных лавках среди прочего туристического хлама продают медные, размером с ведро, шлемы античных воинов и деревянные мечи для самых маленьких ратников. Рядом на полках – православные иконы и ладанки, бело-голубая государственная символика, глянцевые пособия по мест-

ной гастрономии, игральные карты с городскими пейзажами и сражающимися пехотинцами на рубашках. Александр Македонский выглядит на поясных портретах златокудрым красавцем с бычьей шеей и капризным лицом. Придворные летописцы утверждали, что боги Олимпа подарили этому властелину мира разного цвета глаза – левый зеленый и правый карий, но современный массовый художник благоразумно выбрал для обоих цвет неба. Вообще лучшее, на мой вкус, из доступных нам изображений этого македонского царя – вовсе не всем известный фрагмент мозаики битвы при Иссе, на котором Александр предстает победительным всадником с копьем наперевес, а работа современного карикатуриста Ментиса Бостанцоглу. На этом лубочном рисунке Александр держит на руках свою сестру-русалку, а у нее над плечом развевается греческий флажок. Можно предположить, что эта девушка с рыбьим хвостом и есть та самая принцесса Фессалоники, именем которой назван город на берегу залива Термаикос.

XX век прошелся по эгейской Македонии этнической щеткой: здесь не может быть ничего славянского, здесь не сохранили почти ничего турецкого. Салоники – образцовый современный полис, разве что с микроскопическими, не угрожающими целостности республики примесями. Солунских славян после кампаний по так называемой реэллинизации греческой Македонии остались считанные тысячи, местные мусульмане перемещены в Турцию. Но опасения никуда не исчезли, отсюда и нервная реакция местного политического класса на возникновение независимой Македонии.

Через несколько десятилетий после изгнания из города иноверцев в родном доме Мустафы Кемаля Ататюрка, главного стратега победы над Грецией в Малоазийской кампании ⁷, открыли музей, расположенный на территории консульства Турции. Этот хорошо охраняемый уголок турецкой земли посещают в основном взволнованные туристы из Стамбула и Измира, и они не упускают шанса сфотографироваться рядом с восковой фигурой отца нации в белых перчатках. Экспозиция небогата, в основном семейные вилки-ложки; комната, в которой родился ага тюрок, практически пуста. Здесь можно посидеть на скамье и поразмышлять о судьбе этого незаурядного человека, благодаря воле, храбрости и организационным усилиям которого столетие назад греки, отвоевавшие часть своих северных территорий, не получили все-таки Константинополь.

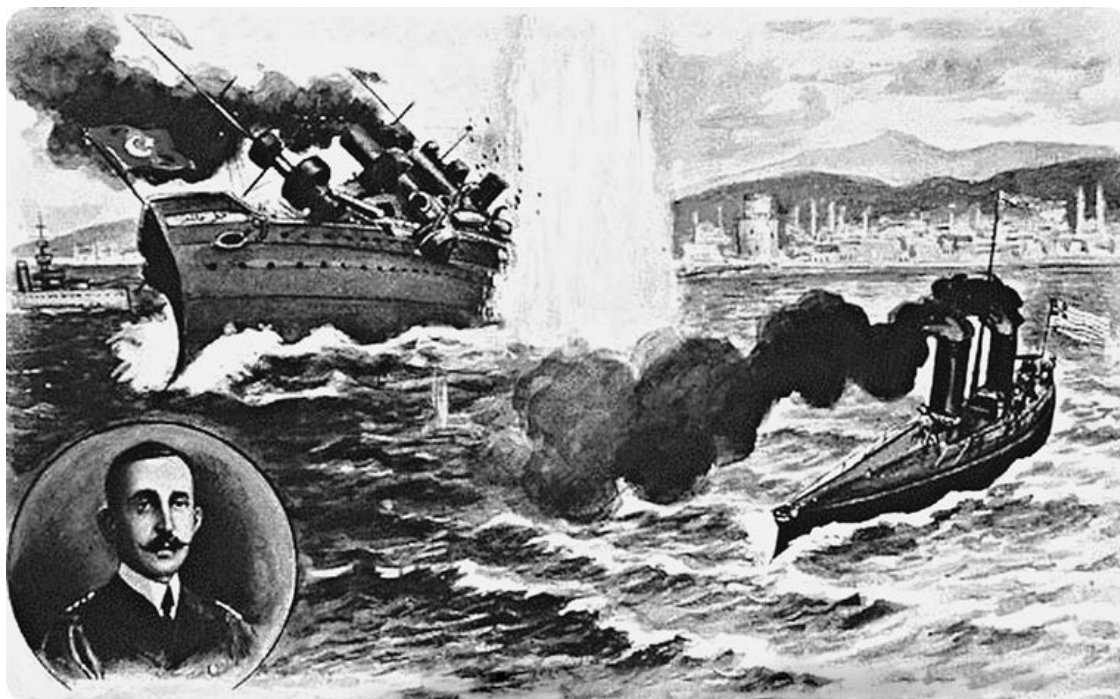
Панорама Селаника в 1917 году. Французская открытка

Центр Салоник после уничтожившего треть жилого фонда города большого пожара 1917 года отстроен по проектам французского архитектора Эрнеста Эбранда в нововизантийском стиле. Огненная беда упростила решение сразу двух задач: урбанистического планиро-

⁷ Малоазийская кампания (1919–1922) – вооруженный конфликт между Грецией и Османской империей, ставший продолжением Первой мировой войны. Действуя в рамках концепции восстановления Византийской империи, греческая армия взяла под контроль часть восточного побережья Малой Азии, однако в результате продолжавшихся более трех лет боевых действий ее вытеснили оттуда турецкие войска под командованием Мустафы Кемаля Ататюрка. В 1923 году была провозглашена Турецкая Республика.

вания и национальной идентификации. Внушительную, похожую на гигантскую шахматную ладью Кровавую башню, в которой размещалась еще одна османская тюрьма, новые хозяева символически перекрасили и назвали Белой. Теперь башня вся в пегих пятнах, и ей снова требуется известь. Над верхней площадкой реет эллинское знамя, укрепленное на флагштоке, который снят с потопленного в 1912 году на рейде Селаника османского корвета “Великий завоеватель”.

История трех частей того, что уже без малого три тысячи лет считается географически и концептуально целым, – эпирской, вардарской и пиринской Македонии – поучительна. Каждая из этих областей, да не в какие-нибудь стародавние века, а уже в XX столетии, испытала на себе более или менее значительное переселение народов и масштабные этнические чистки, от которых и в этих краях не удержался ни один военный победитель. В каждой области в угоду сиюминутной политике утверждались искусственные, иногда вовсе не соотносившиеся с реальностью идеологические конструкции. У албанцев, болгар, греков, македонцев, сербов, турок – свои, часто полярные представления о том, что на этой по идее общей для них земле было хорошо и что на ней было плохо. Иногда разные народы не могут поделить общих героев, иногда намекают, что давно уже чужое или никогда своим не бывшее считают-таки своим. В начале 1990-х годов на улицах Скопье, например, продавали сувенирную банкноту с изображением Белой башни в Салониках – в качестве национального символа только-только провозгласившей независимость республики. “Одну македонку”, конечно, не пустили в обращение, но греки, отрицавшие право соседей иметь то название страны и тот флаг, которые им нравятся, отреагировали на появление шуточных денег с ажитацией.

Торпедирование турецкого корабля “Фатих Бюлент” во время Первой Балканской войны на рейде Селаника. Греческая иллюстрация. 1912 год

Символика прошлого сегодня играет в любой из частей Македонии важную роль, тени далеких предков то и дело оседают на будничную жизнь. Стилизованная звезда с 16 лучами, мистический знак, обнаруженный в 1977 году в северогреческом ныне городе Вергина (славяне называют его Кутлеш) на гробнице одного из царей древней Македонии – Филиппа II или Филиппа III Арридея, ученые все еще уточняют, кого именно, – каждому народу светит по-

своему. В новогреческой культуре реликвия Вергины адаптирована в качестве скрепы античных традиций и современности. Ярко-желтая звезда на синем фоне – эмблема двух греческих децентрализованных администраций, трех периферий (областей), десятков муниципалитетов, ее вообще используют, кажется, все кому не лень: и спортивные кружки, и фольклорные общества, и коммерческие предприятия. В Салониках увидишь этот символ едва ли не на каждом шагу. Новая Македония попыталась было поместить вергинскую звезду на свой государственный флаг, но после яростных протестов из Афин отступила. Теперь на македонском флаге – золотое солнце с восемью лучами на алом полотнище. Напоминает нечто вергинское, но это не “та самая” звезда.

Так что Европа и сейчас край разных политических и исторических скоростей. Маленькая новая страна в балканских горах держится в ногу с собственным временем. Чтобы двигаться в будущее, в Скопье протраивают прошлое, иногда не совпадая по фазе развития с теми, кто уже ушел вперед. По разным причинам то, что для здешних широт новее нового, почти повсюду уже пройдено, хотя часто нет в этом македонской вины, а есть только собственные представления об окружающем мире. Здесь в особой моде гастроли ветеранов современной музыки, другие в Скопье пока не едут: Ян Гиллан исполняет композиции *Deep Purple* 40-летней свежести, гуру электронной музыки Жан-Мишель Жарр ярко зажигает в лучшем концертном зале суперстарые огни. Со стороны это, как и апелляция к чужой истории, как и толпы памятников на городских площадях, выглядит забавным, но вдруг, спрашиваю я себя, вот такое, совсем из глубины, движение в будущее – объективный процесс, без которого формирование нации и государственности в наше время невозможно? Иными словами, обязательно ли повторять пройденный другими странами путь ошибок, или современный мир, основанный на иных представлениях о функционировании общества, в котором люди и страны связаны между собой совсем не так, как прежде, требует других рецептов? Умозрительный ответ представляется очевидным, но практика не верит в теорию. Власти Скопье закупили в Китае красные двухэтажные автобусы – через несколько лет после того, как в Лондоне от даблдекеров отказались, уверившись в неудобстве их эксплуатации.

Белая башня в Селанике. Открытка. Начало 1910-х годов

Однако есть, есть в македонской жизни своя тихая магия. Домой из Скопье мне пришлось возвращаться каким-то человеконенавистническим авиарейсом – самолет отправлялся в 3.30 ночи. Накануне поздно вечером, прощаясь с городом, я выпил кружку пива марки *Скопско* на набережной Вардара и, рассчитываясь, чуть замешкался, перебирая малознакомые купюры и монеты. Официант отреагировал моментально: “Дружище, если чуть не хватает, не переживай, ничего страшного...” Вряд ли такое услышишь в другом – кроме Балкан – районе Европы.

2

България

Славянское царство

*Ты, родная земля, моя плоть, моя мать и жена!
Звонкой глиной прельщен, зноем этих пустынь
околдован,
Темный дождь налетел, заголил твоё лоно
косматое,
И всю ночь переспит он с тобою на выжженных
пашнях.
<... >
О родная земля, моя плоть, и душа, и жена,
Обними его жарко, забейся под тяжестью ливня.
Как самец-жеребец распалился он, вздыбился
бешено,
А земля веселится, и пляшут деревья и камни ⁸.*

Никола Фурнаджиев, “Дождь” (1924)

В этой книге я довольно много пишу о памятниках, чему есть даже не одно, а несколько объяснений. Когда приезжаешь в малознакомый город, расставленные по площадям и бульварам бронзовые и мраморные фигуры привлекают к себе самое первое внимание, от одного монумента к другому бродишь, словно от маяка к маяку. Это дома они так замыливают глаз, что минуешь их не замечая. Логическому разуму объяснить предназначение памятников сложно: ну к чему, скажите, за большие деньги расставлять по улицам статуи умерших людей? Половина памятников если не у одних, так у других вызывает претензии эстетического характера, вторую половину сносят, как только завершится очередная политическая эпоха.

Памятникам тем не менее отводится важная социальная роль. Они метят национальную территорию, фиксируют общественные фобии и комплексы, заполняют исторические пустоты, но прежде всего символизируют величие государства, даже если формально прославляют силу человеческого духа. Памятники часто утверждают то, что каждому ясно и без них, иногда даже утверждают то, что ни в коем случае не является правдой. Это и есть монументальная пропаганда: высеченная в мраморе или отлитая в бронзе, ложь становится весомее, ее сложнее отодвинуть из памяти либо опровергнуть усилием воли. Памятники лишают человека свободы выбора: они диктуют норму, трассируют волю правительства, предписывают, чем или кем “настоящему патриоту” гордиться, по какому поводу радоваться и скорбеть; значительно реже, но все же напоминают о том, чего стыдиться. Со стыдом, впрочем, не так просто: траурный мемориал сам по себе словно искупает вину, для многих “закрывает вопрос” личной ответственности или преступлений государства.

Охотнее всего памятники воспевают мученическую смерть во имя идеи и обозначают примеры общественно поощряемого героизма, одновременно выхолащивая содержание подвига, потому что подвиг всегда дело интимное, результат сложного внутреннего выбора, всемерного напряжения личности. Памятники принято ставить на века, но уже через поколения многие из них выглядят смешными или ненужными. Югославский кинорежиссер Душан

⁸ Перевод Павла Антокольского.

Макавеев однажды рассказывал мне, как белградские власти запрещали самый ранний его фильм, документальную ленту на производственные темы социализма под названием “Памятникам не нужно верить”. Не из-за философы в названии запретили, конечно, но и из-за нее тоже. Макавеев прав, однако его никто не слушает, и чем слабее государство идеологически, тем активнее оно занимается возведением памятников.

Все это относится к Болгарии не в большей и не в меньшей степени, чем к другим странам, хотя замечу, что современная датская или шведская концепция монументального прочтения истории заметно отличается от того, как этот вопрос понимают на Балканах или в России. Болгары, имея на то все основания, гордятся древними традициями своей государственности: двумя могучими средневековыми царствами, первое из которых, если верить византийским летописцам, основал 13 веков назад хан утигуров (уногундуrow) Аспарух, сын Кубрата из династии Дуло. Местные славяне, охотники и земледельцы, довольно быстро по историческим меркам – примерно за два столетия – ассимилировали пришедших из приволжских степей воинов-булгар, и это общее царство существовало в противоречии с империей ромеев до начала XI века, пока, уже после крещения, не пало под ударами единоверцев из Константинополя. Еще через 200 лет нашлись храбрецы, братья и основатели монархической династии Иван и Петр Асени, которые подняли успешное восстание против Византии и болгарское государство переосновали. Этого импульса хватило еще на пару столетий, а потом ослабевшая от внешних набегов и внутренних распрей Болгария подчинилась новому врагу. 500-летнее владычество Османов уничтожило национальную аристократию, так что дворян и образованного класса, за исключением духовных лиц, не осталось. Процесс болгарского возрождения начался (как принято считать, в конце XVIII века) почти что с нуля, это было в буквальном смысле слова медленное пробуждение народа. Третье славянское царство, следствие обретения независимости в новых условиях, простояло под скипетром саксонской Саксен-Кобург-Готской династии 38 лет XX столетия; предел ему положили Иосиф Сталин и болгарские коммунисты.

ДЕТИ БАЛКАН

ЮЛИЯ ВРЕВСКАЯ

сестра милосердия и русская роза

из внебрачных сыновей Вревского, Николай, женился на старшей сестре Юлии. Баронесса Вревская пробыла замужем всего только год: летом 1858-го ее супруг, командующий войсками Лезгинской кордонной линии, был смертельно ранен черкесской пулей. Юная вдова переехала в столицу и была приглашена ко двору. В свите императрицы Вревская объездила многие страны Европы, побывала на Ближнем Востоке, свела знакомство с международно знаменитыми и интересными людьми. Имела безупречную высокоморальную репутацию, но в начале 1870-х годов попала в опалу и покинула Петербург. Среди друзей и корреспондентов Вревской были Иван Тургенев, Дмитрий Григорович, Иван Айвазовский. В 1877 году, после начала русско-турецкой войны, баронесса продала имение Мишково в Орловской губернии и на вырученные средства снарядила санитарный отряд. Вместе с десятью дамами высшего света она, окончив медицинские курсы, отправилась на Балканы сестрой милосердия. Ухаживала за ранеными в госпиталях русской Дунайской армии в Яссах и под Плевной (теперь Плевен), затем под селом Бяла (Русенская область современной Болгарии). Мне встречалась информация о том, что одной из причин, побудивших баронессу отправиться на войну, была ее связь с русским дворянином-волонтером, учителем Александром Раменским (убит осенью 1877-го), но не все историки этой версии доверяют. В начале 1878 года Вревская заразилась сыпным тифом и 5 февраля скончалась, уже после окончания боевых действий. Ее похоронили в Бяле в платье сестры милосердия. Тургенев откликнулся на эту смерть стихотворением в прозе, Виктор Гюго посвятил баронессе эпитафию «Русская роза, погибшая на болгарской земле». В 1977 году, к столетию освобождения страны, режиссер Никола Коробов снял биографический фильм «Юлия Вревская» с Людмилой Савельевой в заглавной роли. Согласно сценарию кинодрамы, расположения Вревской добивался сам главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич, однако баронесса предпочла ему другого Николая, искреннего болгарского студента-ополченца. В городке Бяла есть больница имени Юлии Вревской и белокаменный памятник благородной сестре милосердия.

Национальные костюмы Болгарии. Открытка. До 1945 года

Отсюда и монументальная линейка. На многих болгарских площадях подняты конные статуи хана Аспаруха и хана Крума, они символизируют истоки здешнего былинного эпоса. Скульптуры царя Симеона, на троне или с посохом, обозначают золотой век старославянской культуры и средневекового военно-политического расцвета, ту краткую пору начала X столетия, когда Болгарии было по силам тягаться и с Византией. Потом – герои Асени, в их честь в Велико-Тырнове поставлен на рукоять и фаллической ракетой направлен в небо огромный меч, к которому скачут четыре всадника на вздыбленных жеребцах. Свой царственный всадник есть в Варне – это Калоян, вошедший в историю под именем Грекобойцы. В Болгарии ему отдают должное за усилия по “консолидации государственности”, но византийские хронисты писали об этом беспощадном правителе, имевшем обыкновение закапывать пленных живыми в землю, с ужасом. После Асений следует многовековая пауза, вызванная трагедией чужеземного плена, и вот они, храмы мучеников – некрополи южнославянских гайдуков, героев антиосманского сопротивления, разночинцев, что стали святителями новоболгарской борьбы. Свободе в высокодуховном или матери-Болгарии в высокопатриотическом смысле посвящены пафосные монументы и павильоны в Софии, Русе, Пловдиве, других болгарских городах и местечках, почти повсюду с бронзовыми львами.

Царь Фердинанд I провозглашает государственную независимость Болгарии. Фото. 1908 год

Торжественные аккорды исторической оды независимости – монумент русскому царю-освободителю Александру II в центре Софии (работы итальянского скульптора) и каменная башня на перевале Шипка (опять же с бронзовыми львами), прославляющие новоболгарскую государственность под попечительством империи Романовых. Подобных, больших и малых, памятников признательности русским за все хорошее на территории Болгарии поставлено немало. В середине XIX века российское общество было охвачено сочувствием к южным славянам. В 1860 году Иван Тургенев опубликовал роман “Накануне”, главный герой которого, болгарский студент Московского университета Дмитрий Инсаров, не мыслит для себя счастья, если несчастлива его родина: *“В моем Отечестве не найдется горстки земли, которая не была бы пропитана кровью героев”*. Инсаровскую страсть освободить Болгарию Тургенев сочетает с ожиданием российских общественных реформ и избавления от крепостной зависимости. Другое дело, что Инсаров не победил, а умер от чахотки, так и не увидев родину, а его русская возлюбленная, типичная тургеневская девушка, отправилась за Дунай в одиночестве, где стала конечно же сестрой милосердия на проигранной ее Отечеством войне. Критика зло шутила над писателем: *“За этим ‘Накануне’ не наступит завтра”*, Тургенев даже подумывал об “отставке из литературы”, но утешился и написал “Отцов и детей”. Ожидание счастья обернулось в романе “Накануне” трагизмом одиночества, и это горестным образом перекликалось с драмой болгарской повстанческой борьбы. Русский император снова и снова посылал полки на Балканы, студенты и гимназисты записывались в армию добровольцами, чтобы погибнуть за тридевять земель, дамы вышивали для ополчения шелковые знамена, журналисты публиковали пламенные тексты, поэты сочиняли прочувственные строфы. Вот фрагмент стихотворения Якова Полонского “Болгарка”:

Памятник царю-освободителю Александру II в Софии. Фото. До 1918 года. Государственное агентство «Архивы», София

Без песен и слез, в духоте городской,
Роптать и молиться не смея,
Живу я в гареме, продажной рабой
У жен мусульманского бей.

<...>

Приди же, спаситель! – бери города,
Где слышится крик муэдзина,

И пусть в их дыму я задохнусь тогда
В надежде на Божьего Сына!..

Спаситель в итоге пришел и взял города; стихли, как и хотел поэт, крики муэдзина. Сентимент в жизни кое-что значит, но национальные интересы определяются все же прагматическими соображениями политики. Это понимали, конечно, не только многие болгары, но и, с самого начала, трезвомыслящие романовские царедворцы. *“Освобождение христиан из-под ига – химера. Болгары живут зажиточнее и счастливее, чем русские крестьяне; их задушевное желание – чтобы освободители по возможности скорее покинули страну”*, – писал о кампании 1877–1878 годов русский генерал Эдуард Тотлебен. В начале следующего века на румынском и салоницком фронтах Первой мировой болгарские солдаты, иногда плечом к плечу с “историческими соперниками” османами, сражались против “исторических союзников”, а у черноморского побережья и в низовьях Дуная болгарские катера успешно ставили минные заграждения против русских кораблей. Это расстраивало, например, главного классика болгарской литературы Ивана Вазова, автора образцового национально-освободительного романа “Под игом”. В 1876 году в стихотворении “Россия”, превращенном потом социалистической пропагандой в мантру русско-болгарской дружбы, Вазов с молодым задором из румынской эмиграции призывал освободителей прийти на землю своей страдающей родины:

По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич: Россия! ⁹

⁹ Перевод Николая Тихонова.

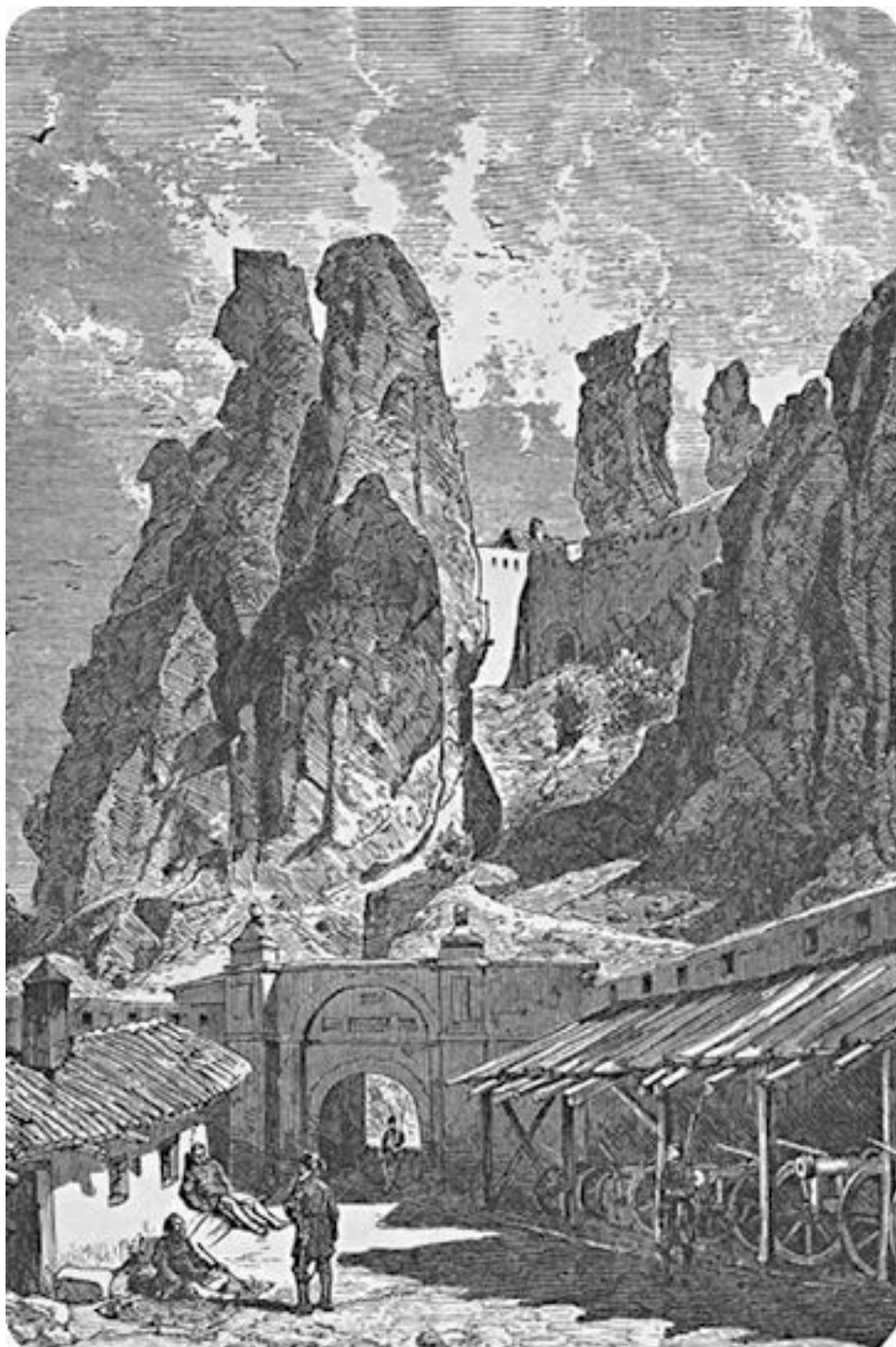

Иван Вазов. Фото. Начало XX века. Государственное агентство “Архивы”, София

Ровно через 40 лет, в 1916-м, Вазов сочинил другое произведение, “К русскому солдату”, совершенно противоположного настроения, ставшее итогом философского переосмысления отношения к братьям с севера, на сей раз появившимся на границах Болгарии, “*чтобы нас опутать игом новым*”. Вазов и хотел бы обнять русского, да это выше его болгарских сил, потому что в солдатском взоре поэт увидел теперь не любовь, а ярость.

Собственно, тут нечему удивляться: кто приходит освобождать – тот и брат, а болгарину дороже всего вольная Болгария. Марксистская наука впоследствии объясняла казусы межславянских противоречий кознями прявящих элит, толкавших народы на “братоубийственную схватку”, но научный объективизм подсказывает другое. В сбросившей османские путы небольшой бедной стране с неграмотным крестьянским населением не существовало ни управленческого класса, ни научных школ, ни системы профессионального образования. Командирами полков, начальниками военных академий, директорами музеев, министрами поначалу становились в Болгарии, где и монарх был иностранцем, чужеземные специалисты – не только русские, но и чехи, немцы, австрийцы. И Петербург, и Вена (но особенно Петербург) пытались конвертировать болгарское чувство признательности и свое влияние на востоке Балкан

в геополитическую и финансовую выгоду. Во второй половине XX столетия это проявилось с особой силой: болгарам предписано было беспрестанно демонстрировать чувство глубокой благодарности, даже в государственном гимне петь не только про Софию: “С нами Москва и в мире, и в бою”.

Феликс Каниц. “Внутренний двор крепости Белградчик”. Литография. 1860-е годы. Иллюстрация из книги “Дунайская Болгария и Балканы” (София, 1932 год)

Многим освобожденным освободители перестали казаться бескорыстными. На протяжении почти полутора столетий болгарской частичной, ограниченной и полной независимости в стране конкурируют разные политические выборы – русофильский и другой, в послед-

ние десятилетия обозначаемый как проевропейский. Противодействие этих настроений порой принимает забавные формы. В 2011 году анонимные мастера стрит-арта из группы *Destructive Creation* перекрасили галифе и шинели красноармейцев с горельефов софийского памятника Красной армии в яркие одежды героев массовой культуры: Супермена, Джокера, Санта-Клауса, клоуна Рональда Макдональда. Можете себе представить, какие противоречивые реакции в стране и мире вызвал этот художественный жест?! Скульптуры отмыли, но и через семь лет, когда я знакомился с патетическим софийским монументом, солдатское обмундирование покрывал нездоровый зеленый налет. Сбоку от памятника установлена рампа для скейтбордистов, но на просторной площади перед скульптурной группой не покатаешься: кое-где качается-проваливается мостовая плитка.

Памятники освободителям я разглядывал и в Софии, и в Бургасе, и в Русе. Главная социалистическая достопримечательность Пловдива – громадная железобетонная скульптура красноармейца, которую по велению популярной песни Эдуарда Колмановского на стихи Константина Ваншенкина о “Болгарии русском солдате” называют Алешей. На холме Бунарджик (*турс. “гора родников”*) прежде уже поставили один памятник русскому оружию, лаконичный монумент с надписью про Александра II и победу армии генерала Иосифа Гурко в битве при Филиппополе (античное название Пловдива) в 1878 году, но эту композицию из города не увидишь. А Алешу в Пловдиве увидишь отовсюду, выглядит он огромным каменным человеком, выше солнца и выше неба. В Рио-де-Жанейро и Лиссабоне так стоит над городом и над миром Иисус Христос, только без ППШ в руке. И размером, и вообще памятник советскому солдату (проект под названием “Красный богатырь” болгарские скульпторы выполнили к 1954 году) никак не соответствует исторической правде. Болгария во Второй мировой войне была союзницей Германии и Италии, но воевала не столько против СССР и не столько за нацистов, сколько решая свои вечные балканские вопросы приращения территорий. Полагаю, что большинство подданных царя Симеона воспринимали случившееся в 1940-е так: вместо нацистов с их бесчеловечной идеологией расового превосходства после войны пришли коммунисты с их проповедью беспощадной классовой борьбы.

Горельефы памятников советским воинам-освободителям в Пловдиве и Софии. Фото автора

В начале 1990-х годов группа энтузиастов добивалась сноса памятника Алеше, но порыва не хватило, русофильство, а оно действительно в этой стране существует, оказалось сильнее. Разные его проявления в Болгарии встречаешь на каждом шагу: пафосные рестораны “Петр I” и “Россия” с куполами храма Василия Блаженного на рекламных плакатах, магазины “Березка” с горячими пирожками и песенками Алёны Апиной из динамиков, многочисленные улицы с русскими именами. Ну и, понятно, улыбки болгарских друзей, хотя таксист обсчитает тебя запросто, даром что братушка. Для туристов или мигрантов из бывшего СССР (и тех, и других здесь предостаточно) Болгария – такая “минимальная” заграница, с приближенными к отечественным бытовым укладом и перечнем услуг, со схожей ценовой политикой. Почти понятный язык, столь же скромный, как и до2ма, средний доход, сравнимая с уровнем развития областных центров где-нибудь на юге России или в Центральной Украине городская инфраструктура – только с приятным южным климатом и ощущением непричастности к местным политическим или социальным проблемам, поскольку все они чужие, а не свои.

К вершине холма Бунарджик из разбитого талантливым местным архитектором Здравко Василковым городского парка, ограниченного Торговой гимназией, Русским бульваром и улицей Волга, ведут ровно 100 монументальных ступеней. Уничтожение такого, как Алеша, мемориала наверняка представило бы для городских властей серьезную проблему: куда, спрашивается, девать кубокилометры гранита и бетона, где брать немалые средства на рекультивацию территории? К подобным вопросам бывшие союзники СССР в бывшей Восточной Европе подходили по-разному. Гигантский памятник Иосифу Сталину на Летенской площадке в Праге в 1962 году взорвали, но все его тяжеловесное обрамление – террасы, лестницы, подземелье и остов скульптуры – так и стоит без использования до сих пор. На месте Сталина методично отсчитывает послекоммунистическое время метроном с высокой тонкой стрелкой. Венграм повезло больше: скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль замыслил памятник благодарности на горе Геллерт еще при нацизме, но проект вышел в итоге исторически мультифункциональным. 14-метровая бронзовая женщина с пальмовой ветвью в руках символизирует абстрактную идею освобождения. Поэтому до начала 1990-х у подножия монумента было написано о памяти советских воинов, а теперь написано о памяти “...отдавших свои жизни за свободу, процветание и независимость Венгрии”.

Пловдивский Алеша никогда не поднимет над головой пальмовую ветвь. Город идеологически противопоставил монументу на холме Бунарджик – его, как победоносную Красную армию, одолеть нельзя – скромный мемориал памяти жертв коммунистических репрессий, то есть тех самых людей, которых после перехвата власти в Болгарии, фигурально говоря, рас-

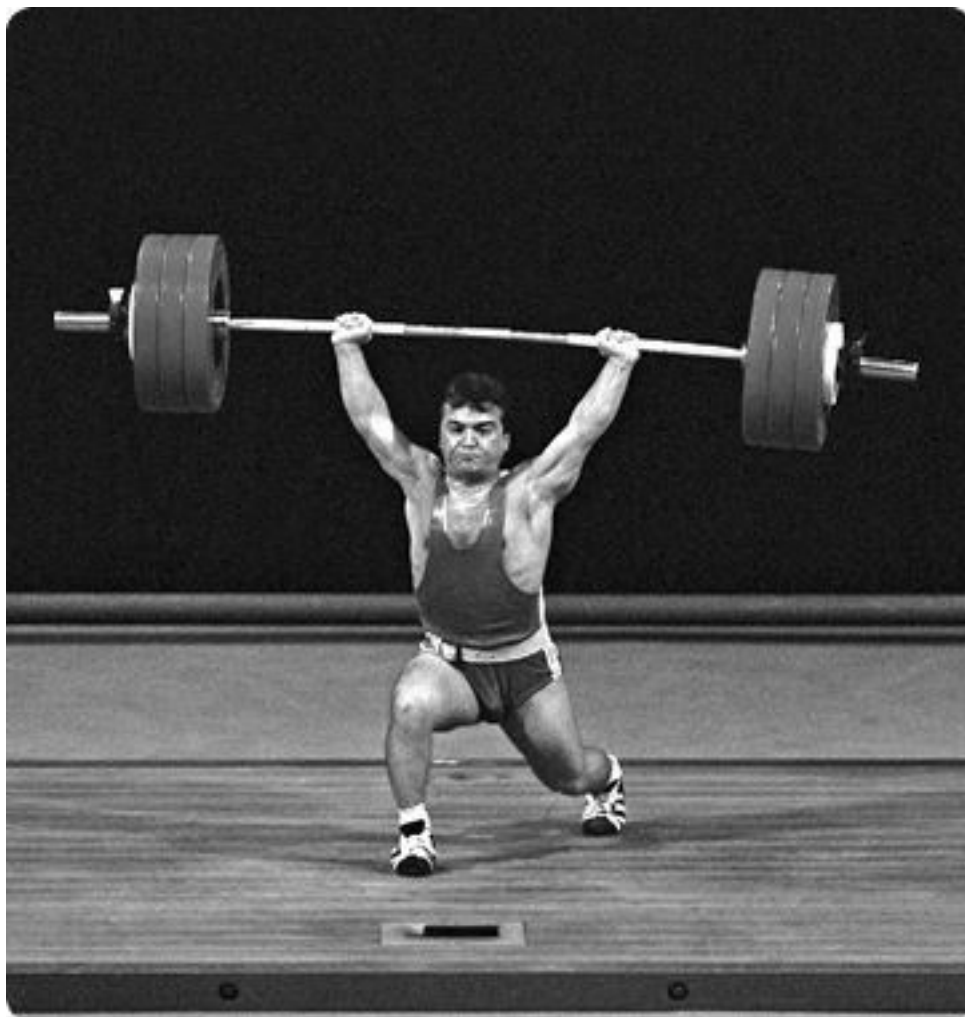
стреливали из Алешиных автоматов. Памятник стоит на площади, слева от здания областного правительства, едва видимый в тени деревьев.

Пловдив. Мужская гимназия Святых Кирилла и Мефодия. Открытка. 1900 год. Государственное агентство “Архивы”, София

Пловдив устроен так, что коли хочешь город посмотреть, то шагаешь вверх и вниз, преимущественно по неровной мостовой из гранитной крошки или крупного необработанного камня. Справочники сообщают, что древний Филиппополь стоял на семи (ну кто бы сомневался!) холмах, один, самый каменный, правда, срыли, постепенно потратив его внутренности на памятники и мостовые. Камень называется сиенит, это такие огромные живописные бульники, мерцающие разноцветными отливами. Пока не сбилось дыхание, я вскарабкался на три главные пловдивские горы. Один холм занят Алешей, на втором и третьем размещены телевизионные антенны и радиорелейные дела, на четвертом воздвигнута османских времен 46-метровая часовая башня без часов, на пятом – руины доантичного фракийского поселения. Это главное доказательство популярного здесь тезиса о том, что Пловдив/Филиппополь едва ли не самый старый город Европы с непрерывной восьмитысячелетней летописью человеческой деятельности. Получается, появление здесь частей Красной армии – главный эпизод вечности, раз главный памятник посвящен именно этому событию?

ДЕТИ БАЛКАН
НАИМ СУЛЕЙМАНОВЛУ
карманный Геркулес

Наим Сулейманоглу. Фото. 1988 год. © Shevked / Wikimedia Commons / CC BY-SA 4.0

Наим Сулейманоглу по прозвищу Карманный Геркулес – самый титулованный спортсмен в истории тяжелой атлетики: трехкратный олимпийский чемпион, семикратный чемпион мира, обладатель 46 мировых рекордов. Выдающийся атлет, он родился в 1967 году в турецкой семье в селе Птичар на юге Болгарии. При росте 150 сантиметров Сулейманоглу в толчке поднимал вес, более чем втрое превышавший его собственный (в разные периоды – от 55 до 63 килограммов). Начал международную карьеру в сборной Болгарии под именем Наим Сулейманов; свой первый мировой рекорд, будучи 16 лет от роду, установил на чемпионате мира в Москве. Олимпиаду 1984 года Сулейманову пришлось пропустить, поскольку зависимые от СССР страны бойкотировали Игры в Лос-Анджелесе. В конце того же года в ходе кампании по насильственной ассимиляции мусульманского населения спортсмен вынужден был сменить имя и фамилию, его превратили в Наума Шаламанова. Как и других известных болгарских турок, Сулейманова-Шаламанова заставили подписать письмо в поддержку так называемого процесса возрождения, сопротивление которому расценивалось как уголовное преступление. Коммунистические власти сочли всех живущих в стране турок болгарскими, позабывшими под тяготами османского ига о том, что они болгары. Свои имена и фамилии вынуждены были сменить по крайней мере несколько сотен тысяч человек; тысячи несогласных отправили в тюрьмы. В декабре 1986 года во время Кубка мира в Мельбурне Шаламанов бежал из

расположения болгарской сборной. В Софии о его исчезновении сообщили как о спланированном турецкими спецслужбами похищении. Ставший Наимом Сулейманоглу спортсмен опроверг эти сведения. Официальная позиция Софии была такой: штангист делал противоречившие “болгарской линии” заявления, находясь якобы под воздействием психотропных препаратов. Сулейманоглу вернулся на помост после того, как Турция выплатила Болгарской федерации тяжелой атлетики более миллиона долларов за разрешение выступать под другим флагом. Родственникам Сулейманоглу, находившимся в Болгарии фактически в качестве заложников, разрешили выехать в Стамбул. Карманный Геркулес с лихвой вернул своей новой родине потраченные средства, завоевав для Турции три олимпийских “золота” и выиграв пять чемпионатов мира подряд. С результатом 504 балла он до сих пор возглавляет таблицу коэффициента Синклера (этот показатель дает математический ответ на вопрос, какую штангу мог бы поднять атлет, если бы его собственный вес соответствовал нормативу супертяжелой категории). Спортивная карьера Сулейманоглу завершилась в 2000 году поражением на Олимпиаде в Сиднее, после чего он занялся политикой и безуспешно баллотировался в турецкий парламент. В 2017-м Сулейманоглу скончался от цирроза печени.

Римляне и греки оставили в Пловдиве многочисленные следы – и развалины стадиона, над которыми проложен центральный проспект, и прекрасный древний театр, роскошнее которого мне доводилось видеть разве что в Таормине на Сицилии, и термы, и фундаменты разных гражданских зданий и построек. Все это постепенно приводят в порядок соразмерно скромному болгарскому бюджету, не в смысле достраивают, а в смысле по-научному правильно обрамляют для доступа туристов. Ключевую роль в возвращении Пловдиву славы античного Филиппополя и османского Фелибе сыграл местный культпросветработник Атанас Крастев, известный в городе как Начо Културата (Культура). По инициативе и под его руководством управление “Старый Пловдив” отреставрировало 130 памятников истории. В начале XXI века Крастев, по хорошему одержимый реставраторским делом подвижник, умер, оставив землякам самые добрые воспоминания о себе. Ему посвящен скромный музей, но не его скульптура стоит на холме Бунарджик; да Начо Культура, я уверен, и не хотел бы подобной памяти. Вот такие люди, как археолог Крастев и садовый архитектор Василков, и передают от поколения к поколению заботу о большой стране и о своей малой родине, вот ими-то и стоит гордиться.

Открытие Пловдивской ярмарки митрополитом Пловдивским Кирилом, будущим патриархом Болгарии. Фото. 1939 год. Государственное агентство “Архивы”, София

Так сложилось, что в главных битвах XX века Болгария почти всегда выбирала неудачную сторону, наверное, еще и поэтому членам монархической фамилии Саксен-Кобург-Гота никаких особых памятников не досталось, я заметил только один совсем невнятный в Варне. С момента восстановления независимости в Софии считали главным противником не Османскую империю, вековые следы присутствия которой постарались попросту затереть, не получившуюся из нее в итоге Турцию, а Сербию – это геополитический соперник подходящей “весовой категории”. В первой половине минувшего столетия сторонники Великой Болгарии трижды пытались раздвинуть страну к югу, западу и северу до ее “естественных границ” и превратить в крупнейшее государство Балкан, но военные кампании и в Македонии, и во Фракии оканчивались неудачами, хотя царская армия, считавшаяся лучшей среди соседних государств, всегда сражалась наступательно и стойко. Один мой болгарский приятель мрачно и торжественно сказал за рюмкой ракии: “Наша армия ни разу в своей истории не теряла ни одного полкового знамени”. Даже если это и миф, то за такой миф, очевидно, настоящему болгарину стоит выпить.

В Первую мировую после долгих колебаний и дипломатической торговли царь Фердинанд I вступил на стороне Центральных держав. Для монарха, мечтавшего провозгласить равное великим империям прошлого государство Ориент, которое вобрало бы в себя всех балканских болгар, Великая война окончилась отречением и изгнанием, а для страны – потерей 10 % земель и выплатой большой контрибуции. В начале 1940-х годов сын Фердинанда, царь Борис III, пусть нехотя и отчасти вынужденно, согласился на младшее партнерство с державами Оси (что привело к быстрому расширению Болгарии в полтора раза), но отказался воевать против Советского Союза и посылать солдат на Восточный фронт. В сентябре 1944-го сложилась парадоксальная ситуация, когда примерно неделю Болгария в обстановке быстрых политических перемен (теперь историки в Софии и Пловдиве называют их государственным переворотом) находилась одновременно в состоянии войны с СССР, Великобританией, США и Германией. Дислоцированная на территории страны немецкая армейская группировка была немногочисленной и успела стянуться на северо-запад, в Сербию. Под контролем коммуни-

стов моментально сформировали другую, Народную армию, в рядах которой принялись гро-мить нацистов и те, кто раньше сражался на их стороне: командиров в основном отстранили от службы, офицерами стали вчерашние солдаты, а вчерашние красные партизаны оказались комиссарами и генералами.

Показательна судьба лучшего болгарского военного летчика-истребителя Стояна Стоянова, кавалера гитлеровского Железного креста. Он сбил огнем из своего *Messerschmitt Bf 109* не один британский и американский самолет, одержав над союзниками по антигитлеровской коалиции 15 воздушных побед. В Народной армии за Стояновым сохранили звание капитана, вскоре он получил на погоны майорские ромбики (а потом и звездочки) за успешные действия против новых врагов – немцев в небе над Косовом и Македонией. После победы Стоянов учил молодежь осваивать советские Як-9. Коммунисты до конца не доверяли дважды герою войны, в досрочную отставку он вышел полковником в середине 1950-х и потом долго работал вовсе не по специальности. Через три десятилетия, когда установился более взвешенный подход к событиям Второй мировой, ветеран обрел наконец генеральские лампасы и всенародное признание. Статья в журнале, по которой я изучал биографию Стоянова, называется “Ас на защите Болгарии”. Есть о чем подумать: человек вот так, сугубо профессионально, понимал свой патриотический долг, выполняя приказы, которые не обсуждают.

Император Германии Вильгельм в мундире со знаками различия болгарского фельдмаршала и царь Болгарии Фердинанд в мундире немецкого фельдмаршала в Софии. Фото. 1916 год

Крестьяне из Пловдива. Фото. 1939 или 1940 год. Национальная библиотека Швейцарии. Фото: © Swiss National Library, SLA-Schwarzenbach-A-5–19/005

В боях против нацистов погибли 32 тысячи болгарских военных, 120 тысяч болгарских солдат были награждены советскими медалями “За победу над Германией”. А вот медалей “За взятие Софии” или “За освобождение Пловдива” не существует, поскольку Красную армию встречали, как принято считать, цветами. Окончание Второй мировой вернуло Болгарию в ее прежние границы и на четыре десятилетия превратило в лояльнейшего и инициативного сателлита Кремля, в “шестнадцатую республику СССР”. Двусмысленную картину прошлого отполировали, “врагов народа” расстреляли, пересажали или выслали из страны. Коммунистический режим подавил последние очаги сопротивления отрядов так называемых горян, лесных людей, только к началу 1960-х. В Болгарии утверждают, что по продолжительности и степени организованности эта герилья не имела аналогов в послевоенной Центральной и Восточной Европе. Повстанцы использовали опыт и тактику антиосманской партизанской борьбы, пока их не раздробил железный армейский кулак.

Самый непримиримый противник болгарской рабоче-крестьянской власти Илия Минев провел в тюрьмах и трудовых лагерях 33 года (не исключая, что это мировой рекорд политического заключения). В трагической судьбе Минева еще как отразились противоречия эпохи: в молодости он придерживался крайне правых взглядов, в 1940-е годы входил в руководство фашистского Союза болгарских национальных легионов. Минев всегда принципиально выступал против любых коммунистов (тюремные голодовки он держал в общем счете 460 дней, в карцере провел 1860 суток), превратившись к концу своей карьеры мученика в символ яростной правозащиты. Когда Минев наконец оказался на свободе, то не нашел себя в новой политике – его радикальная бескомпромиссность привлекала немногих. Этот нестигаемый борец окончил жизнь в полной нищете, оставленный родственниками, в доме престарелых. Как мог и как считал правильным, он защищал Болгарию, поэтому в Софии и Илие Миневу тоже поставили памятник.

А вот главный памятник Георгию Димитрову, мавзолей-усыпальницу в центре Софии, взорвали ровно через полвека после кончины “болгарского Ленина”; останки бывшего народного вождя перенесли на центральное столичное кладбище, а от его некрополя не осталось и следа. Верный соратник Сталина (не исключено, что по его же приказу в 1949 году и отравленный), Димитров не знал политических колебаний. Он всю жизнь занимался всемирной классовой борьбой за рабочее дело, считая, что в этой схватке *“соображений гуманности быть не должно”*. Звездным мигом политика Г. М. Димитрова считается его участие в судебном процессе в Лейпциге, в уже фактически нацистской Германии конца 1933 года, по делу о поджоге рейхстага. Среди пятерых обвиненных в этом преступлении оказались трое болгарских коммунистов, в том числе и западноевропейский агент Коминтерна Димитров, известный кураторам в Москве по кодовому имени Бриллиант. Владевший немецким языком и азами юриспруденции, Димитров в прямом остром диалоге с Германом Герингом сумел доказать свое алиби, не оправдываясь, а обвиняя. Чтобы лучше понять обстоятельства знаменитого процесса, я прочитал сборник выступлений Димитрова перед судом и посмотрел снятую в 1972 году выпрешенную восточногерманско-болгарско-советскую киноленту режиссера Христо Христова “Наковальня или молот”. Название фильму подсказано стихотворением Иоганна Вольфганга Гёте “Кофетские песни”, которое Димитров процитировал в своем последнем слове обвиняемого:

Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться;
Властвуй, или покоряйся
С торжеством – иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся —
Или наковальней стой ¹⁰.

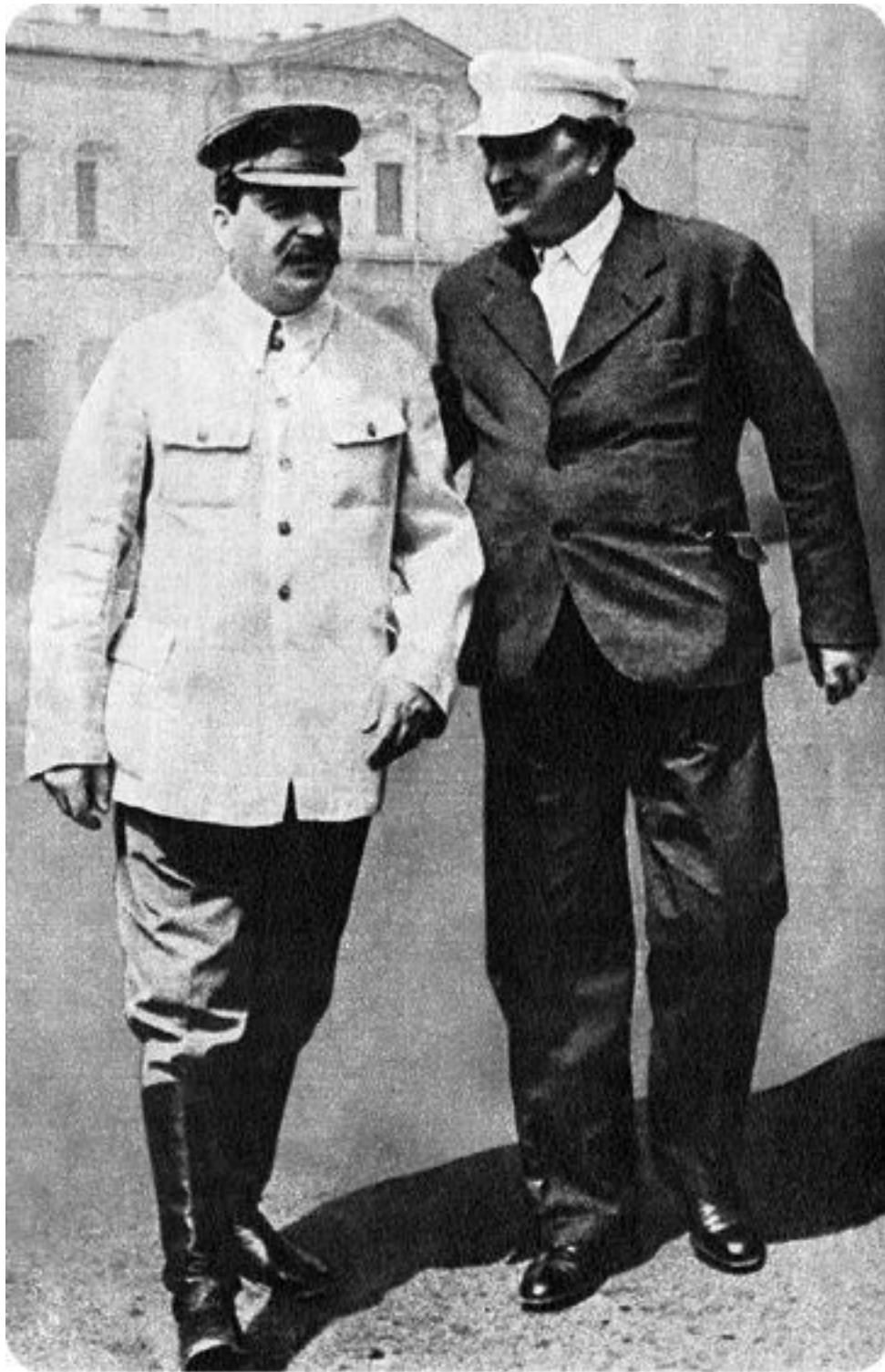
Германскому, балканскому и мировому пролетариату Димитров предлагал и советовал “взвиваться молотом”, что и было, в общем, сделано. Этот 51-летний коммунист обладал даром политического проповедника, редкой пассионарностью и хорошо развитыми инстинктами борьбы за власть. Именно Димитрову принадлежит классическое определение фашизма; его умение ловко жонглировать словами не вызывает сомнений. Речь Димитрова на Лейпцигском процессе болгарские школьники, как и песню про Алешу, 40 лет учили наизусть. Моя софийская знакомая Татьяна, окончившая в начале 1980-х школу с углубленным изучением французского языка, до сих пор способна цитировать Димитрова большими кусками на языке Вольтера и Гюго. Суд в Лейпциге окончился моральным поражением нацистов: болгар приговорили всего лишь к девяти месяцам тюрьмы за нарушение паспортного режима и нелегальное пребывание на территории Германии, но ничего более серьезного им вменить не смогли. Всем троим вскоре было предоставлено советское гражданство ¹¹.

Оказавшись в Москве, Георгий Димитров получил высокие компартийные назначения, вначале в Коминтерне, потом в отделе международной политики ЦК ВКП(б), откуда, когда пробил час, проследовал в Софию возглавлять народную Болгарию. В позднем Советском Союзе, уже на моей памяти, Димитров точно был самым знаменитым болгариним, даже известнее своего однофамильца, эстрадного романтического певца Эмила Димитрова, и, возможно, самым известным иностранным коммунистом, по крайней мере, ни одному другому чуже-

¹⁰ Цитата – по телевизионному тексту, имя переводчика установить не удалось.

¹¹ Судьба обвиненных в поджоге рейхстага болгарских товарищей Димитрова сложилась трагически. Васила Танева назначили на партийную должность в Тувинскую Народную Республику. Осенью 1941 года в составе нелегальной группы он был послан на подпольную работу в Болгарию, но диверсантов по ошибке десантировали на территорию Греции, где Танев вскоре погиб в бою. Благоя Попова в 1937 году арестовали по обвинению в подготовке покушения на Димитрова, он 17 лет отсидел в сталинских лагерях. После реабилитации вернулся на родину и успел до своей кончины опубликовать горестные мемуары.

земцу его ранга монумента столь ленинского типа (разве что еще немцу Эрнсту Тельману) в Москве не воздвигли. Во время своей первой поездки в Болгарию, в 1990 году, я видел в Варне памятник Димитрову, облитый неприятной желтой краской, потому что власть коммунистов уже заканчивалась. А московский по-прежнему стоит в сквере у слияния Большой Якиманки с Большой Полянкой, за что и прозван Большим Якиманом. Как подсказывает интернет, в селе Баня на юго-западе Болгарии, откуда родом родители Димитрова, сохранился чудесный парный памятник: бронзовый Георгий Михайлович внимает указаниям бронзового Владимира Ильича. Потрепанный позолоченный бюст Димитрова, достаточный для городского Дворца культуры или фойе здания обкома партии, я сторговал в одной пловдивской антикварной лавке за 250 левов (примерно 150 долларов), совсем недорого.

Георгий Димитров с Иосифом Сталиным. Фото. 1936 год

Многие историки считают, что Димитров потерял доверие кремлевского руководства, поскольку слишком рьяно защищал проект Балканской федерации, а в послевоенном конфликте Сталина и Иосипа Броза Тито проявил постыдные для советского коммуниста колебания. Балканская Федеративная Республика, создание которой активно обсуждалось в 1944–1948 годах, могла бы включить в себя народные Югославию, Болгарию, Румынию, Албанию, а также Грецию, если бы в гражданской войне в этой стране победили коммунисты. После окончания Второй мировой Кремль поставил мифическую идею объединения Балкан официальной

целью компартий пяти стран, Москва намеревалась с помощью мощного буферного государства с населением в 60 миллионов человек надежно выстроить свою юго-западную военную и политическую оборону.

Но что-то пошло не так: левые силы в Греции потерпели поражение, противоречия между Белградом и Софией по македонскому вопросу, а также по поводу того, кому быть в воображаемой федерации главным, оказались непреодолимыми. У каждой из пяти стран имелись территориальные претензии ко всем без исключения соседям. Сталин, поначалу не возражавший по крайней мере против поглощения Югославией Албании и сближения Югославии с Болгарией, испугался чрезмерного роста авторитета Тито и передумал. Федерации не случилось, мечта о балканском коммунистическом единстве умерла.

Болгарская историческая школа ставит Димитрову в упрек не столько его убеждения, сколько податливость в переговорах с югославами: он согласился считать население Пиринского края македонцами, а отсюда недалеко и до предательства национальных интересов. Через полвека, в начале 1990-х, Болгария первой признала независимость Македонии, постаравшись наладить с соседней страной доверительные отношения опеки и всесторонней помощи. Нетрудно заметить, что на бытовом, что называется, уровне к македонским славянам здесь относятся по-доброму, но чуть иронично, считая их подзаблудшими болгарами, по недоразумению оставшимися вне пределов исторической родины. Македонцев упрекают в том, что в Скопье якобы пытаются присвоить часть общего прошлого, искусственно выделяя из широко понятого болгарского отдельное – “своих” царей, “своих” революционеров, “свой” язык. Троекратных усилий XX века Болгарии оказалось недостаточно для установления всеохватных границ, как при ханах Дуло и царях Асенях. С этим – кто знает, может, только до появления нового исторического шанса – местным ура-патриотам приходится мириться.

За чертову дюжину драматических веков национальной истории у Болгарии образовалось несколько столиц. Центрами Первого царства были Плиска и Преслав на теперешнем северо-востоке страны. Царь Борис I, в 860-е годы крестивший болгар и долго колебавшийся в своей лояльности между Римом и Константинополем, повелел наследнику Симеону перебазироваться из языческой Плиски и править из крепости Преслав, чтобы ничто не мешало молодой религии развиваться. Расстояние между двумя столицами небольшое, с полсотни километров, примерно на полпути расположен обшентр Шумен с не пережившей треволнений Средних веков крепостью. От древней Плиски тоже остались преимущественно развалины, фундаменты фундаментов и разве что кое-какие стены. Возникшее по соседству от столичных руин селение, которое в османское время называлось Ага-Баба (Абоба), в большой город не выросло.

ДЕТИ БАЛКАН **ИВАЙЛО КИСЛАЯ КАПУСТА** свинопас и царь

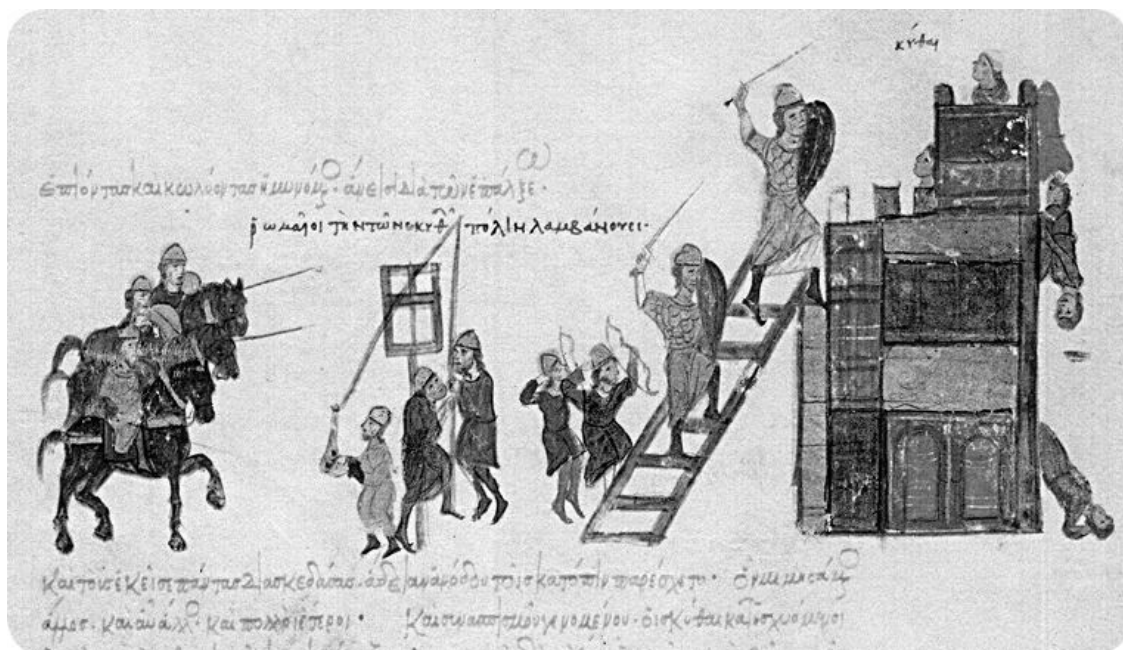
Эта чудесная история похожа на сказку, но подтверждена византийскими хрониками. Летом 1277 года на северо-востоке Второго Болгарского царства поднялось крестьянское восстание, которое возглавил свинопас Ивайло, презрительно прозванный врагами за низкое происхождение Кислой капустой. Восставшие взбунтовались против высоких налогов, введенных царем Константином I Асенем Тихом, сыном боярина Тиха из Скопье; они были возмущены неспособностью монарха защитить страну от монгольских набегов. Константин I, взошедший на престол в 1254 году и правивший в период феодальной смуты, воевал то против реставрированной Византии в союзе с монголами, то против правнука Чингисхана беклярбека Ногая

в союзе с императором Михаилом VIII Палеологом, то на два фронта. В 1269 году третьей женой Константина, сломавшего на охоте ногу и парализованного ниже пояса, стала племянница византийского императора, “скандальная интриганка” Мария Палеолог. Она быстро родила мальчика, Михаила Асеня II, и младенец, к неудовольствию местной знати, был объявлен соправителем Константина. Пастух Ивайло между тем рассказывал односельчанам о видениях, которые предвещали ему великие дела, а потом принялся претворять свои сны в реальность. Крестьянское войско успешно отразило несколько монгольских набегов, а затем разгромило армию Константина I Тиха, причем немощного царя зарубил сам главарь бунтовщиков. В 1278 году Ивайло триумфально занял столицу Болгарии Тырново и... согласился жениться на царице Марии в обмен на признание наследственных прав Михаила Асеня. Ивайло заставил местное дворянство признать себя монархом, а Мария вскоре забеременела. Историческая правда смыкается с легендой, образуя сказочный архетип: Иван-дурак женился на злой царевне, отомстил богатеям за весь трудовой народ, и семья его дала всходы. Крестьянский царь, отличавшийся необузданным характером и жестокостью в бою и быту, с трудом противостоял дворцовым интригам и вражеским вылазкам с севера и юга, бояре его ненавидели. Во время похода Ивайло к Дунаю Тырново занял ставленник Византии Иван Асень III. Марию отправили в изгнание в Константинополь, где она родила Ивайло дочь. Крестьянский царь одержал тем временем несколько побед над византийскими отрядами, но постепенно терял поддержку соратников, поскольку обещанное царство равенства и всеобщего счастья всё не наступало. В конце концов Ивайло решил искать убежища в стане Ногая, где поначалу был принят с почетом, но в 1280 году убит по приказу своевольного хана прямо во время пира. Молва, впрочем, утверждала, что на самом деле крестьянский царь остался жив, поэтому вскоре один за другим появились два лже-Ивайло. В социалистической Болгарии полумифического Ивайло превратили в закаленного борца за национальную независимость, он и теперь остается популярной героико-трагической фигурой и идеалом “хорошего царя”. Об Ивайло снят художественный фильм, сочинены опера, роман и драма, его именем назван город на границе с Грецией, в его честь воздвигнуты памятники, один из которых называется “Каменный часовой”. А Мария, вдова Кислой капусты, так и закончила свои дни в Византии.

С Преславом связан первый непростой опыт восточно-южного межславянского взаимодействия. В 968 году византийцы наняли для набега на болгар русов-язычников Святослава Игоревича. Киевский князь ударил с севера, оккупировал обширные территории за Дунаем, включая Преслав, захотел закрепить успех, чтобы, может быть, сделать новые владения “серединой земли своей”. Потом Святослав повел войско на Константинополь, против недавних союзников, но войну мощной Византии в конце концов проиграл. В 972 году у днепровских порогов, по дороге домой, князя убили печенеги. После русской осады и византийского разграбления Преслав не оправился. Империя ромеев поделила отвоеванное на фемы, центр болгарского государства переместился на юго-запад – до нового, еще более страшного разгрома от армии императора Василия II.

Престол Второго Болгарского царства Иван и Петр Асени утвердили в Тырнове. Столицей третьего болгарского государства, поначалу автономного княжества, стала София. В античную эпоху этот город был известен как Сердика, в Средние века как Средец, оттуда бейлербей в белом тюбане периодически повелевал европейскими владениями султана. Пловдив/Фелибе

стал административным центром области Восточная Румелия, которую княжество Болгария в 1885 году, собравшись с силами, вобрало в себя, не спросив об этом попечителей из Вены, Берлина и Петербурга.

Византийцы штурмуют Преслав. Рисунок из хроники Иоанна Скилицы “Обозрение истории”. Предположительно XII или XIII век

Примерно по этому “столичному” маршруту, к которому добавились еще и главные пункты черноморского побережья, проистекало мое новое болгарское странствие. Тремя годами ранее мне довелось путешествовать по северу страны, по долине Дуная: Силистра, Тутракан, Русе, Свищов. А впервые я побывал в Болгарии на излете прежней эпохи молодым советским туристом Международного дома журналистов под Варной. Доллары в СССР были в ту пору запретной к вывозу валютой, поэтому пару сотенных купюр – все, что смогли отложить, – мы везли запрятанными в самых секретных местах, о существовании пластиковых карт в ту пору еще не слыхали. Отпускной багаж чуть ли не наполовину состоял из кипятильников, будильников, дверных звонков, пакетов с кофе и бутылок с водкой – все это, по совету знающих людей, предназначалось на продажу; рыночному обмену подлежали также советские червонцы. Наутро, вместо того чтобы идти на пляж, потащились на базар, поскольку веселого отпуска без денег не бывает. Мне удалось на удивление быстро, хотя и задешево, толкнуть весь доставленный из Москвы товар. Рубли я попытался перековать в левы, но едва не попал под “разводку” цыганского парня в телесного цвета – и теперь не могу их забыть! – тренировочных штанов, норовившего всучить мне “куклу” из нарезанных цветных бумажек. Я заметил подмену в последний момент, выхватил у “менялы” свои рубли и бросился наутек, как будто сам кого-то обманул и должен был скрыться с места преступления.

Варну четырежды в пору войн с Османской империей штурмовали русские армии (дважды взяли, дважды нет), после Второй мировой завладели городом без боя и на пять лет даже назвали его Сталин. Здесь – что принципиально важно для любого человека русской души и о чем вам не забудет сказать ни один экскурсовод – в семье армянского шансонье в 1967 году родился соловей российской эстрады Филипп Киркоров. Воспоминания о Сталине и Киркорове Варна оставила в прошлом, желтый памятник Димитрову давно отправили на свалку истории, город определил себе новые рубежи передового развития. Это главный морской порт Болгарии и опорный пункт болгарского пляжного туризма, немного Одесса, слегка Сочи. Денег на

все, конечно, не хватает, но и в центре, и по окраинам много строят и много ремонтируют. Вот пример: главная в городе художественная галерея *Борис Георгиев*, разместившаяся в неоготическом здании бывшей мужской гимназии, на первом и втором этажах устроена все еще традиционно, по-старому, а на третьем она уже модный аттик с концептуальной выставкой абстрактной живописи. Придет время, и очередь дойдет даже до подвала.

Краса и гордость Варны – просторный Морской парк с океанариумом, дельфинарием, планетарием и военно-морским музеем, протянувшийся вдоль городского пляжа от водного стадиона *Приморский* до правительственной (бывшей царской и бывшей коммунистической) резиденции Евксиноград. Главная аллея парка, аллея Возрождения, украшена дюжиной бюстов героев борьбы за новую болгарскую государственность и выводит к Пантеону, памятнику антифашистского Сопротивления. Партизанские отряды, управлявшиеся Коминтерном, были в Болгарии немногочисленными, всего несколько тысяч бойцов, в основном это были сельские мальчишки, увлеченные идеалами борьбы за светлое будущее. Мемориал в Морском парке напоминает о некоторых из них, во главе с расстрелянным фашистами в 1942 году моряком и поэтом Николаем Вацпаровым. Лучшее свое стихотворение, “Прощальное”, он, как гласит коммунистический канон, написал в ночь перед казнью.

Грузчики в Садовой гавани Варны. Рисунок. 1887 год. Немецкая публикация

Рядом с медленно ветшающим Пантеоном приткнулась аллея Космонавтов: приезжавшим в Варну советским покорителям космоса положено было высаживать в парке ели. Елок разной пушистости образовалось с десяток. Имена космонавтов (в основном романтическая классика 1960-х годов типа Валентины Терешковой и Георгия Берегового) обозначены на табличках, неотличимых от надгробных. Юрий Гагарин, не успевший до своей безвременной гибели посадить в Варне почетное дерево, представлен скульптурой с удивленно наклоненной головой, есть здесь и уже разросшаяся елка первого и пока последнего болгарского космонавта Георгия Иванова (Какалова), на нем славный ряд имен обрывается. Советско-болгарский орбитальный полет 1979 года вышел незадачливым: космический корабль “Союз-33” не смог состыковаться со станцией “Салют-6”, пришлось с опасными приключениями возвращаться обратно. Освоение околоземного пространства продолжается, но время теперь не то, чтобы космонавты приезжали в Варну поливать елки.

Черноморское побережье Болгарии было прекрасно обжито античными людьми еще 2500 лет назад. Первой колонией милетских греков, основанной здесь 27 веков назад, считается Аполлония, на каменных костях которой построен курортный городок Созопол, километрах в сорока к югу от Бургаса. Еще век назад Созопол был греческим рыбацким местечком, но теперь греков тут не осталось, все волей или неволей репатриировались. В Созополе я остановился у родственников своего пражского друга. Гостеприимный хозяин Коста 40 лет проработал механиком на судах торгового флота. Новые болгарские времена ему не слишком-то нравятся: пенсия невысока, проку от Европейского союза и НАТО немного, социалистическую индустрию развалили, капиталистическую не построили. Четверть века демократии серьезно переделали Созопол и его жителей: рыбзавод остановился, военно-морскую базу перевели, медный рудник закрыли, все перекренилось к туризму. Теперь, как смешно пошутил еще один мой новый друг, Христо, главными полезными ископаемыми Болгарии стали огурцы и помидоры. Знавшие толк в ремеслах и морском промысле старики поумирали, их наследники продали дома и земельные участки, на которых ударными темпами строят жилые комплексы для состоятельных иностранцев. Греческий и русский языки позабыты, молодые выучили английскую компьютерную грамоту и уехали работать в Сингапур и медитировать в Гоа.

В. Сайже, А. Десмон. “Развалины храма Святой Софии в Несебыре”. Рисунок. 1829 год. “Альбом путешествий по Турции, предпринятых по приказу Его Императорского Величества Николая I в 1829–1830 годах”

**БАЛКАНСКИЕ ИСТОРИИ
КАК СУЛТАН РАЗРУШИЛ БОЕВОЕ БРАТСТВО**

Александр Лессер. “Владислав III Варненчик”. Рисунок. Конец 1850-х годов

В 1440 году венгерские аристократы в разгар междоусобного конфликта в своей стране пригласили на престол правившего в Кракове уже шесть лет молодого короля Польши Владислава III Ягеллона, ожидая от него помощи в возвращении завоеванных султаном Мурадом II земель. Владислав дал обет спасти Европу от исламской угрозы. В 1443-м начался очередной этап крестового похода, вошедшего в историю как Варненский; решение о его проведении приняли четырьмя годами ранее во Флоренции, где была заключена уния между западной и восточной христианскими церквями. Поначалу крестоносцам сопутствовала удача, и после нескольких поражений султан даже попросил о десятилетнем перемирии. Папский легат в Венгрии кардинал Джулиано Чезарини уговорил Владислава III воспользоваться этим обстоятельством. Под началом трансильванского воеводы Яноша Хуньяди была снаряжена 20- или 30-тысячная армия. Под знаменами папского войска собрались польские, литовские, венгерские, хорватские вассалы короля, а также отряд чешских наемников-гуситов, в состав которого входили и русинские воины. У крепости Никопол к армии присоединилась валашская конница. В походе участвовали также рыцари Тевтонского ордена, венецианская пехота и дружина из Боснии. Южнее Дуная к предприятию примкнули ополченцы под командованием сына последнего царя независимой Болгарии Фружина. Местное население встречало освободителей настороженно, поскольку крестоносцы, по обыкновению, занимались поборами и грабежами. Мурад II сделал контрход: в подкрепление к размещенным в Европе силам перебросил

из Малой Азии на генуэзских кораблях 50-тысячное войско. На рассвете 10 ноября 1444 года противники сошлись к западу от Варненского леса, неподалеку от морского побережья. Войска султана атаковали растянувшиеся на 3,5 километра боевые построения неприятеля, но крестоносцы смогли потеснить врага на флангах. Разгоряченный Владислав, а было ему всего 20 лет, во главе отряда польской тяжелой конницы попытался пленить Мурада II, но у шатра султана один из янычаров изловчился и отсек королю голову. Это решило исход сражения: победители потеряли почти вдвое больше солдат, чем побежденные, около 20 тысяч человек, но нанесли неприятелю жестокое поражение. Надежды на то, что Болгария вернет независимость, а османы будут изгнаны из Европы, не оправдались. Остатки армии крестоносцев бежали, доспехи и тело короля Владислава, посмертно прозванного Варненским (*польск. Władysław Warneńczyk*), так и не отыскали, его голову залили медом и отправили ко двору султана. Поле Варненской битвы теперь застроено многоэтажками микрорайона *Младост*. О проигранном христолюбивым воинством сражении напоминает Парк-музей боевого братства, в котором в 1930-е годы поверх обнаруженной археологами фракийской гробницы построили символический мавзолей Владислава III. “Боевое братство” рассматривается создателями экспозиции как “совместная борьба сыновей европейских народов против османской экспансии”. В мавзолее установлены девять современных государственных флагов, включая украинский, болгарский, словацкий, хорватский и румынский. О псах-рыцарях, венецианцах, литовцах, боснийцах, итало-французской гвардии из Папской области, которой командовал павший в бою кардинал Чезарини, ничего не сказано. О доблести врага, Мурада II, напоминает султанский командный пункт на невысоком холме (еще один фракийский курган), с которого открывается вид на сосновый бор вокруг и жилую застройку вдалеке. Камень с резной надписью на турецком все равно ниже поднятого над мавзолеем животворящего креста. Через десятилетие после Варненской битвы османы покорили Константинополь.

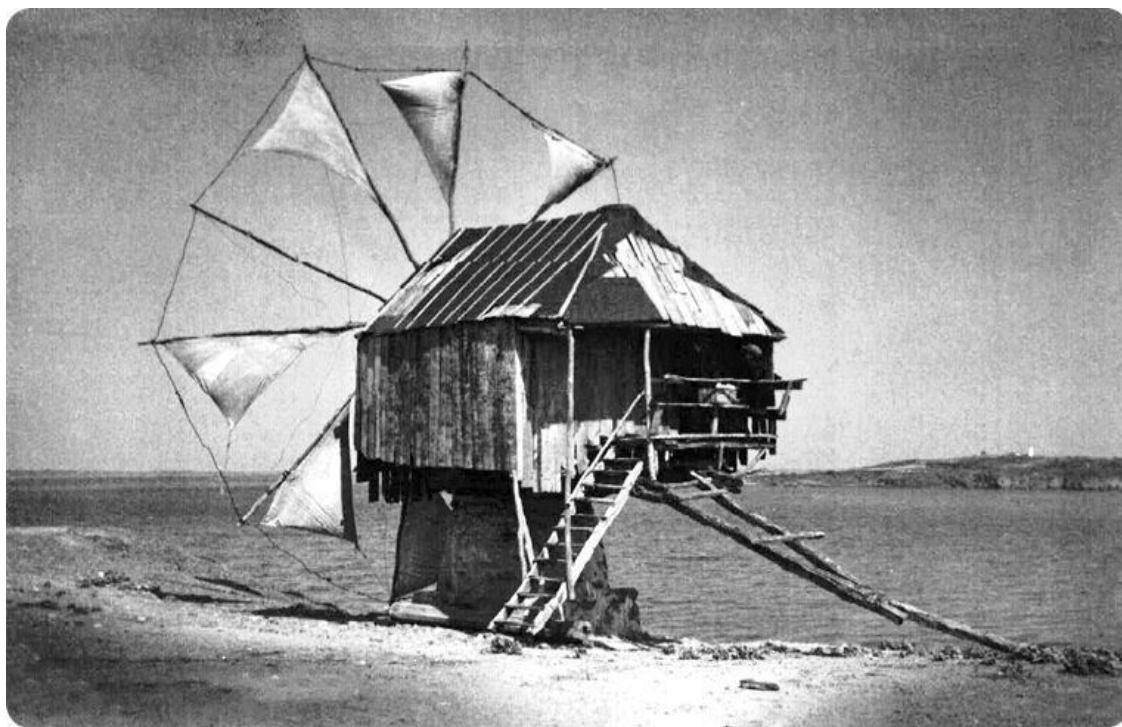
Болгария – небогатая страна, но всем своим гражданам без исключения она дает возможность вытянуть счастливый билет. В разных болгарских городах я видел залоговые кассы, это подобие ломбарда, где взамен золотого украшения или фамильного столового серебра можно получить краткосрочный заем, понятно, что под грабительские проценты. С этими легко доставшимися деньгами велик соблазн отправиться в один из многочисленных игорных залов, с вечера до утра зазывающих простаков яркими огнями и пышными названиями вроде *Империя* и *Монте-Карло*. Расчет сделан на то, что за зеленым сукном или за рукоятью “одно-рукого бандита” каждый быстро станет богаче. К тем, кто ищет другой перспективы, обращены призывы агентств по трудоустройству: *Work and Travel in U.S.!* Государство старается, как может, обеспечить своих граждан работой: почти все пункты пропуска куда бы то ни было, все кассы, парковки, общественные туалеты управляются не автоматами, а живыми людьми, и даже если у входа в *WC* установлен турникет, то к нему для верности приставлен военный пенсионер.

Симпатичный Созопол сопротивляется натиску глобальной цивилизации, в отличие, например, от самого пафосного болгарского морского курорта, Несебыра, который уже сдался на милость всемирной туристической орды и отполировал свои византийские храмы до глянцевого состояния. А в Созополе по-прежнему топят деревом, и этот смешанный с солью морского ветра терпкий запах ничем не перебить, не перепутать ни с чем. Когда оказываешься в таких элегических местах, да еще в пересменку времен года, да еще после дождя и под крики

чаек, думаешь: эх, бросить бы все и обосноваться вот в этом доме, на перекрестке улицы Морские Скалы и улицы Буревестник! Но это пустые мечты – выпади такой шанс, наверное, только отпускную неделю здесь и выдержишь.

Русская жена Косты-моряка Ирина содержит свой дом в хирургической чистоте и в свободное от хлопот время собирает фигурки, статуэтки и портреты осликов. В этой коллекции тысяча животных экспонатов из разных стран, на полках в гостиной расставлена половина, остальные в коробках дожидаются окончания ремонта на кухне. Фарфоровые, металлические, керамические, тряпичные, деревянные и остальные ослики заняты кто чем: некоторые обнимаются, пьют пиво или вино, один танцует сиртаки, другой бренчит на пианино, третий понуро грустит. Видно, что болгарские ослики вовсе не самые упертые, но, может быть, самые непокорные.

Разглядывая выставку Ирины, я вспомнил о другом культурном проекте глобального охвата: российский режиссер Анатолий Васильев создает международную, преимущественно на библейском и итальянском материале, энциклопедию ослиной жизни, монументальное кино *Asino* из десятка поучительных философских эпизодов. Васильев утверждает: к ослу следует относиться как к персонажу ветхозаветному, и я уверен, что и в Созополе тоже так считают.

Ветряная мельница в Созополе. Фото. 1930-е годы. Государственное агентство “Архивы”, София

Когда Ирина жалуется на засилье русских туристов, Коста добродушно ворчит: ну вот приедут американцы, будет все то же самое, только на английском ты ничего не поймешь! То же самое – это сплошной туристический переполох с мая по октябрь и сплошное тихое запустение с ноября по апрель. На первые дни этого апреля выпало Вербное воскресенье, и некоторые встреченные мною на городских улицах девушки держали в руках гибкие зеленые ростки. Туризм еще не расконсервировался, но уже наливался соком, как почки вербы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.